

СОДЕРЖАНИЕ

Литера_ Dnepr 2011№1

ВЛАД КЛЁН

- Вадим ЖУКОВ (Москва) – Памяти Влада Клёна.....
Евгения БИЛЬЧЕНКО (Киев) – Светлой памяти Влада Клёна .....
Ольга ЛЕБЕДИНСКАЯ (Днепропетровск) – Клён (поэма.....)

ГОРОДА

- Валерий КАРЧ (Кривой Рог) – Криворожский ренессанс? .....
Олесь БАРЛІГ (Запоріжжя) – Купила мама коника, а коник без ноги .....
(запорізькі літературні підсумки року) .....

ПРОЗА

- Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва) – нибби (отрывок из 3-й части «Поэмы Столицы»).....
Майя СТУДЗИНСКАЯ (Киев) – Разоблачение.....

ПОЭЗИЯ

- Александр МОЦАР (Киев) – Тот же самый конвейер.....
Ірина ШУВАЛОВА (Київ) – Карма .....
Наталья БЕЛЬЧЕНКО (Киев) – Рана в предсердье твоём .....
Ольга БРАГИНА (Киев) – Ещё семейная сага .....
Станислав БЕЛЬСКИЙ (Днепропетровск) – Стихи про Джоанну Лето .....
Сергей КУЛИКОВ (Днепропетровск) – Простуженный блюз .....
Фёдор СВАРОВСКИЙ (Москва) – Маша .....

НОВЫЕ ИМЕНА

- Андрей ВАХЛАЕВ-ВЫСОЦКИЙ (Запорожье) – YELLOW SUBMARINE: полвека спустя (эссе).....
Валерий КАРЧ (Кривой Рог) – Замолчавшему поэту.....
Евгений ХРИСТОФОРОВ (Днепропетровск) – Вино, сигареты и город .....
Лянка ПЕТРУСЕВИЧ (Днепропетровск) – Когда уходят в вечность .....
Марина ЯРЛЫКОВА (Днепропетровск) – Паломничество (рассказ).....

Литера_ Dnepr – ежемесячный журнал,
освещающий литературную жизнь Днепропетровской области и Украины.

Тираж 120 экз. Заказ 3... от 01.2011

Журнал отпечатан в ЧП «Лира», ул. Десантников, 1 г. Днепропетровск, 49050

Свидетельство о внесении в Госреестр ДК 14 от 14.07.2004

Главный редактор – Александр Мухарев: mucharev76@mail.ru, 098-396-80-41

Редактор отдела поэзии – Ольга Брагина: reineclaud@yandex.ua

Вёрстка – Алексей Василенко.

Адрес редакции: г. Днепропетровск, ул. Суворова 11-а, кв. 23

Журнал выходит за счёт средств главного редактора и добровольных пожертвований.

ВЛАД КЛЁН

Вадим ЖУКОВ

Евгения БИЛЬЧЕНКО

Памяти Влада Клёна

Последний год. Кафешка. Месяц май.
Я первый раз в Одессе, я влюблён.
Ты только через край не наливай,
Сказал мне, улыбаясь, Владик Клён.

Мы пьём коньяк беспечно, как всегда,
Как будто это талая вода.
Мы вспоминаем разные детали.
Ну, скажем, запах привокзальной стали,
Колёсных пар тяжёлое дыханье.
Смеёмся над словами мирозданье,
Амнезис, дискурс, самость, суггестия.
Мы пьём за Дон Кихота и за Вия!
Мы вспоминаем славные попойки,
Живых поэтов и уже покойных,
Мужские вписки и двойные двери.
Мы пьём за белорусов и евреев!

Одна из граций, рифмами звеня,
Приносит счёт, и смотрит так тепло....
Клён платит за себя и за меня.
«Мне знаешь, Жуков, снова повезло!
Нашлась работа – лучше не бывает,
И даже появился лавандос.
Я девушке своей в Бахчисарае
Куплю ведро, диван и пылесос!»

Есть люди, как вокзал, есть, как спортзал –
Ни дать, ни взять, ни сердцу, ни уму,
У Клёна есть что взять, я это знал,
Что взял я у него, потом пойму.

Мы пьём весь день, крепки наши мехи!
Мы говорим за жизнь и за стихи.
На улицах Одессы плещет май,
Ещё не слышен крик: не умирай.
Клён платит за двоих, ему видней,
До сентября ещё
Сто с лишним дней.

Евгения БИЛЬЧЕНКО родилась 4 октября 1980 года в Киеве. Кандидат педагогических наук. Диссертация, защищенная в 2006 году, посвящена религиозно-образовательной проблематике Киевской Руси. Доцент кафедры культурологии Института философского образования и науки Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова. Член Редакционной коллегии Международного литературно-художественного журнала «Ренессанс» (с июля 2008 года). Член Всеукраинского творческого союза «Литературный форум» (с мая 2007 года). В 2008 г. в издательстве «Український клуб» вышел в свет сборник стихотворений «В шорохе полета». Публиковалась в Международном литературном журнале «Ренессанс», журнале «Крещатик» [выходит в Мюнхене (Германия)]. Отдельные произведения печатались в международных литературно-художественных альманахах: «Каштановый дом» (2008) и «Современный Ренессанс» (2008).

Светлой памяти Влада Клена

Человек, которого нет
Живет рядом со мной.
Он делит со мной на обед
Хлебушек с отбивной.

Он смотрит со мной в окно.
Он пьет со мной «на коня».
И мне уже все равно,
Что он видит во мне – меня.

И мне жаль, что когда он был
И орал мне: «Бильченко, стой!», –
У меня не хватило сил
На разговор простой.

У меня не хватило мест.
У меня не хватило лет.
А теперь забирайте билет! –
Я не хочу на фест.

И пусть стенка на стенку слэмом
Идут слова одинокие, –
Его номер висит, как демон
В моем трансцендентном «Nokia»...

На орбитах его планет
Созрели персики-на-меду:
Человек, которого нет,
Имеет меня в виду.

Он вечен, как вечный жид,
Но моя последняя месть –
В том, что я буду жить
И в том,
Что мы оба – есть.
1 сентября 2010г.

Ольга
ЛЕБЕДИНСКАЯ

Клён

1
Клёнушка, милый, ты не дожил
До этих тревожных строк!
Слушай выстрел своей Души
В тучу, где спрятан Бог!

Слышишь выкрик? Он гол и свеж.
Улица, не мешай!
Видишь в пространстве ущелье, брешь?
Это твоя Душа.

Ты, говорят, безответственным был...
Знаете, связь времён
Это не шелковой нити пыль, -
Леска, струна, капрон!

Это не дуб и не липа - Клён!
Ветреный воздух - Клён,
Детского неба седьмой закон,
Никем не открытый закон.

Мы - приколисты! И наш психиатр
Умер, сломав башку
Над тем, как помочь. И горит Театр ,
Когда для него пишу.

2
Я - пух Одуванчика,
Ты - ветруган.
Едина у нас стихия!
И каждый себе хулиган и наган,
Но мы для Театра - другие.

Печальные насквозь,
Мы выбрали смех
Словесный, как средство воздействия,
И - по струне меж эпохами бег -
Как бегство от равновесия.

3
А всё же, Бумага, ты так хороша!
Можно Душе потрепаться с Духом,
Можно подруге поспорить с другом
О творчестве, скажем, Б.Г. и Чича.

Никто не покрутит, как встарь, у виска
И не отругает олдовых хиппи...
Как раньше, на Хортице (помнишь?) выпей
Дождливую влагу с лица листка.

4.Русскому Року, который так любил Клён
А хиппи в России - русские,
Осенние, как Шевчук.
А хиппи в России - грустные,
Как всю душу - кричу.

Нам слишком задымлен Морриссон,
Нам слишком попсовы «Битлз»,
У самого снежного полюса
Подснежниками родились.

У самого моря Черного
Подсолнухами зацвели.
О, мир! Не учи ученого
Как слёзы и песни лить!

5
Ты и ушел по-русски:
Пышно, вдруг,
Но сорок раз прощаясь на пороге.
Ты прыгнул в несусветную жару -
И не очнулся - очутился в Боге.

Ты и ушел по-русски:
В мастерской
Висел топор накуренного духа.
Когда не оказалось рядом друга,
Ты был еще горячечно живой.

Ты и ушел по-русски,
Как и жил.
Последний фестиваль кружил над градом
Взьерошенным кленовым авангардом
И был до невесомости чужим.

Ты и ушел по-русски:
Жгла жара,
Как водка. Всё стонало в лихорадке.
И город сей - Петра-или-Днепра
Тебя держал железной ржавой хваткой.

Не удержал. Сильнее Бога - нет.
На всё Его - могущество и воля.
Не удержал весь поэтический свет,
На все лады молясь, бранясь и воя,

Мильон друзей, мильон прекрасных дев,
Осиротели, хиппи-дальнобойщик!
Ах, сколько было девушек хороших,
И ни к одной твоей взгляд не охладил.

И каждая теперь гордится тем,
Что ты ее ласкал - крылом ли, взглядом...
Весь фестивальный мир осиротел,
На свете стало холодно без Влада,

Без алого кленовейшего яда
Пришли дожди, свалились листопады,
Безветрен воздух. (Так ему и надо!)
И мы растем в крошечной пустоте
И строками плывём по красоте...

6.
А он ушел по-русски: в торжество
Блаженного, благого христианства.
Вот херувимы встретили его
В пушистых облаках святого царства.

Не всяк поэт простит небрежность строк,
Украденную деву и талант.
А там, где Вечность и Бог -
Там всё простят!

7.
«и сам я скворец на жердочке»
Клён

Ты не скворец, ты птица - воробей.
Ты самая общительная птица
Из всех «чирик» вещающих! Тебе -
Когда-нибудь горбчиком родиться.

А я - скворец. Я чту чужой язык.
Но воробысто чванюсь и тусуюсь,
Тебя я понимаю не из книг,
А из бродячих переходных улиц,

Где Эльзы безобразные кричат,
Чирикают нахохленного Цоя,
Где Чудо-Случай, ночи чат и чад -
Вот где учусь узреть твоё лицо я!

Среди пунктирно выраженных чувств -
Несмелых, тонких,
чертовых и четких
Учусь, учусь твоё услышать «Чу!»
Сакральное, без цапочной обёртки.
.....

Я мудрость жизни медленно клюю,
Душа чуть-чуть познавшая
твою...

8.
Стихи - самолётики детские.
Без точек и запятых
Ветра порывы резкие...
А что вы хотите от них? -

От ветреных вспышек и сполохов?
И Духом гонимых туч?
Тусовщики, мудрые олухи,
Да будет ваш суд - как луч,

Да будет ваш стиль поющ
И нрав не совсем колюч,
Да будет же стих ваш - ключ
В мелодию райских куц!

Стихи - ничего не окончено,
Не дождь кратковременный - строк.
Как Вечности ветер, как брошенный
На ветер Свободы Бог...

9.
Вот видишь, Клён, а ты переживал,
Что бросят, обругают, не поймут.
Теперь что ни поминки - фестиваль
И каждый фестиваль поминки жгут.

Вся Украина плачет о тебе:
Одесса, Киев, Днепр, Синани-фест...
Какой неимоверный был разбег,
Какой редчайшей детскости протест!

Теперь летать ты можешь сразу на
Все мега-мини сборища страны -
Одновременно! Как мечтал! Страна
Почти что поняла, как мы нужны:

Бродяги и пропойцы, и шуты.
Блестит от слёз далёкая Москва...
...Стою среди кленовой красоты,
Рассматриваю листья, как слова,
.....

10.
Ну что сказать мне в послесловие?
В прихожей давка: все прощаются,
Кто может быть вешеголовие
Сигающего в ночь паяца?

Кто может ярче быть летящего,
И в то же время незаметнее.
Что может быть ненастоящее
Поэта-ветреника смерти?

11.
Не знаю, кто такие староверы,
(Я думаю, расскажет Лупинос.)
Но чувствую, что это люди-нервы,
Живущие всерьез и на износ.

Не знаю, кто такие староверы...
...В полях - тысячелистников колхоз.
Он помнит нас еще до нашей эры
И не пускает души под откос.

Не знаю, кто такие староверы,
Но Клён - олдовый хипп и старовер.
Где прочим - стены, избраннейшим - двери,
Незрячим - тьма, глазастым - универ.

...Ах да, мы повстречались в универе.
А я тогда цыганкою была...
А Клён - собой... Не знаю, как теперь я
От Мяу! отличу банальный лай.

Расхристанная Верою душа я.
Нальется кровью солнца помидор,
И станет наша Знаменка Большая
Великой
        алой,
        спелой
        с этих пор.

С кленовых мудрых пор. Я ставлю запятую,
С поэмой неоконченной расту я.

Криворожский ренессанс?

Ни в коей мере не считая себя экспертом в вопросах культуры, а тем более культуры молодёжной, в рамках предложенной темы, хотел бы высказать некоторые соображения. Формирование культурной среды Криворога происходило, мягко говоря, в весьма специфических условиях. Не секрет, что значительную часть контингента, возводившего промышленные и жилые объекты нашего города, составляли заключённые. И это были отнюдь не декабристы или петрашевцы, а большей частью уголовная шантрапа, чьи культурные запросы вряд ли поднимались выше уровня пресловутой «мурки». Другую, и, конечно же, большую часть горожан составили заселявшиеся несколькими волнами, выходцы из села, которые, оторвавшись от традиционного сельского уклада и пребывая в чуждом, а зачастую и во враждебном им окружении, неизбежно мимикрировали и перенимали эстетические вкусы «городских». Этот социальный коктейль в духовном отношении не был, да и не мог быть чем-либо иным, как только потребителем массовой культуры, культуры «кина и танцев». Живопись, музыка, театр, литература, опера и балет – всё это выпало из поля зрения наших отцов и дедов. Завершала эту «картину маслом» местная, если так можно выразиться, архитектура. Время интенсивного строительства в городе, сначала трагически совпало с борьбой против «украшательства» или так называемых «архитектурных излишеств», а затем и Брежневская «экономная экономика» доформировала (если угодно, дообезформила) населённый пункт метко именуемый себя городом Кривой Рог. Конечно, здесь всегда находились люди неравнодушные к искусству, а зачастую и сами причастные к творчеству. Но в этой среде они были чужаками, маргиналами обречёнными вариться в собственном соку. Ситуация усугублялась кроме всего прочего, скромным административным статусом Криворога, наличием душной идеологической цензуры, а главное стопудовой уверенностью окружающих, что настоящее искусство может быть где угодно, только не здесь. К слову сказать, эта уверенность и сегодня ничуть не ослабла. Надо было видеть, с каким негодованием восприняла администрация ДМиСа наше предложение организовать концерт группы на их площадке. «Вы что, у нас выступают только звёзды!!!» (Например, «Бутырка» и «Пающие трусы» в тандеме с великим Кузьмой) Этим, на мой взгляд, объясняется тот факт, что за все послевоенные годы город не дал стране даже десятой доли деятелей культуры и искусства, которыми могут похвастаться не только сопоставимые по количеству населения Харьков, Днепрпетровск, Донецк, Львов и Одесса, а и гораздо менее населённые Луцк, Винница, Полтава, Симферополь, Феодосия.

Многое ли изменилось на сегодняшний день? И, да и нет. С одной стороны, стремительно развивающееся книгоиздательство и полиграфия позволяют сегодняшним литераторам печататься, уже не прилагая прежних титанических усилий. Музыканты, в том числе и молодые, имеют гораздо более широкие возможности обзавестись приличными инструментами и аппаратурой, а главное в городе появились клубы, где хотя бы время от времени можно продемонстрировать наработанное. Кроме профессиональных – театра им. Шев-

ченко, кукольного и полупрофессиональной «Академии движения» появились интересные любительские театральные студии Галины Костенко и «Баобаб» (наверно есть и другие). Очень плохо зная положение дел в изобразительном искусстве, могу априори предположить, что уже само отсутствие цензуры и навязывания художникам каких-либо догм, положительно сказалось на положении вещей и здесь. Но проблем, по-прежнему, куда больше, чем достижений. Сразу оговорюсь – они есть и во всех остальных городах, включая города перечисленные выше. И ещё одна оговорка. В моей песне посвящённой родному городу есть такие строки:

“Но и в нём игра без грима,
Но и в нём свои герои.
Те, что злой судьбе, порою
Говорят: - Шалишь.
Мы ещё поспорим с Римом,
Потягаемся с Москвою
И, в грядущем обзоримом,
Посрамм Париж!

Так вот, это не более чем приступ патриотической лихорадки. Никаких парижев мы не посраммим, а уж в «грядущем обзоримом» тем более! Причины думается, очевидны, но не поленюсь их вкратце изложить. Ну, во-первых – Нет тех культурных традиций, которыми так богаты упомянутые города, а значит, нет серьёзной школы, нет тех музеев, галерей, концертных залов, которыми располагают они. Не способствует культурному расцвету и сама атмосфера в которой живём и творим. Что я имею ввиду? Власть предрержащие, да и многие рядовые горожане страшно гордятся нашим горнометаллургическим комплексом. Но, на мой взгляд, одностороннее развитие города лишает его будущего, как в силу стремительного сокращения запасов полезных ископаемых, так и в связи с возможным падением, в будущем, спроса на металл. Кроме того, такое положение вещей ведёт к отсутствию в городе наукоёмких технологий, не способствует росту интеллектуального потенциала его населяющих. Как следствие – крайне низкий уровень эстетических потребностей, неприятие новых или просто сложных форм самовыражения художника, требующих от «потребителя» немалой духовной работы. В своё время я преподавал в Жовтневом лицее и знаю, что добрая половина выпускников сегодня трудятся за пределами города, а то и страны. Нужно ли говорить, что уехали наши самые благодарные и самые требовательные зрители и слушатели (а учитывая их профессиональный уровень, то и самые платежеспособные)? Причина вторая в самом расположении города, в его вытянутости. Согласитесь трудно говорить об общегородской культурной атмосфере, когда обитателю СевГОКа нужно проделать часовой путь, скажем до соцгорода, чтобы стать участником какого-либо действия. Положение усугубляется и несовершенной транспортной системой. Никуда пока не деться и от нашего райцентровского положения на административной карте Украины и соответствующих возможностей финансирования науки и культуры. Думается перечень можно продолжать ещё довольно долго. Многие из вышеизложенного относится к факторам, которые нам изменить или не дано, или весьма сложно. Теперь давайте посмотрим, что изменить можно и нужно. А нужно, в первую очередь произвести некую революцию в мозгах наших дорогих сограждан, убедить их в том, что вокруг не культурная Сахара, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» земля родимая рождать. И здесь карты в руки самим творцам – нужно очень много работать и постоянно учиться, чтобы действительно быть на

уровне. А ещё находить время и силы нести свои творческие наработки людям. Не ждать когда вас позовут (можно и не дожидаться), а самим идти в библиотеки, в дома культуры, в учебные заведения. Устраивать квартирники, мини-выставки, организовывать самим или принимать участие во всевозможных сейшенах, фестивалях и т.д. и т.п. Огромную положительную роль в оживлении культурной жизни города отожу местным СМИ. Сегодня всё ещё очень сложно, особенно человеку «с улицы» разместить информацию о каких-либо акциях, получить объективный отклик на то, что уже состоялось. А ведь пресса, телевидение и особенно радио сегодня формируют вкусы большинства. И уж тем более странно из уст представителей этой уважаемой профессии слышать нарекания на наши выморочную литературу, убогий театр или низкопробную эстраду с её примитивными текстами и набившими оскомину тремя аккордами. Кто как не вы, в погоне за модой и рейтингами, отменили в «неформат» фольклор, джаз, акустическую и классическую музыку, радио-спектакли? Причём ситуация уже настолько запуталась, что сам чёрт ногу сломит, разбираясь где давите вы и где давят на вас. Очевидно одно – мультимедиа и всеобщая дурновкусица вступили в некий разрушительный резонанс и этот валтасаров пир с каждым днём всё разнузданней и пошлей! Наверное, я опять свалился на глобальные проблемы, но без их понимания, невозможно изменить что-либо и на местах. Ещё одно лирическое отступление. В 95-м году мне привелось побывать в Германии. Знакомые завели меня в музей современного искусства города Вольфсбург. Среди прочих довольно необычных экспонатов, больше всего запомнилось простое бревно, окрашенное в синий цвет. За экспонат городской муниципалитет отвалил маляру (наверное, маляру с именем) что-то около 90 тыс. марок. Не знаю, под каким соусом сие блюдо проглотили немецкие власти, но для меня, может быть не слишком искушённого ценителя, это пример выгодной продажи мыльного пузыря. К чему я это вспомнил? Наверное, к тому, что всем нам, а особенно тем, кто имеет общественное влияние, нужно хорошо разбираться в вопросах искусства, чтобы не стать жертвами хитрых портняжек. Хорошо бы иметь в городе на правах общественной организации, некую экспертную группу из числа людей профессионально занимающихся этой отраслью человеческой деятельности.

Олесь БАРЛІГ

Олесь БАРЛІГ - член запорізького літературного клубу "99". Координатор літературної групи "Сталкінг' хронотвору". З вересня 2007-го по червень 2009-го – керівник літературної студії при Студентському центрі культури Запорізького національного університету. Один з трьох упорядників першої на пострадянському просторі антології квір-літератури «120 сторінок Содому» (видавництво «Критика»). Співорганізатор і співучасник запорізьких літературних виступів "Семиреччє", "Вертикаль", всеукраїнського вечора поезії "Осіnnій фреш", круглих столів присвячених сучасним літературним процесам Запоріжжя і першого запорізького турніру слем-поезії. Головний редактор запорізького самвидавчого літературного альманаху "Час'ник". Друкувався у альманахах "Нова проза", "Хортиця", "СТІХ", "Склянка часу", "От сердца к сердцу", "Золота доба", літературному журналі "ШО", літературній газеті "Отражение", часописі "Четвер", в збірці поезій "Карамболь", запорізькій періодиці. Увійшов до книжки "Антологія 100 молодих поетів України" виданої Одеським земляцтвом. Фіналіст конкурсу короткого оповідання "Сила малого" за твір "Бузькове, як прикордоння". Лауреат обласного конкурсу для обдарованої молоді у номінації "Література" в 2003 році. Переклади віршів російською мовою опубліковані в російському журналі "Воздух".

Купила мама коника, а коник без ноги

2010 рік почався для Запорізької літератури з втрати. 31 грудня, у канун свята помер Олександр Колісник. Пам'ятаю, що Олена Дороніна сказала: Саша був великим жартівником і це його останній і найбільший жарт – подивитися, хто першого січня припхається в село на його похорон. І дійсно, після цих слів я мимоволі глянув у труну – чи не лежить він там із посмішкою на обличчі...

Перед смертю Саша побачив сигнальний екземпляр своєї книжки, що випустив у Києві Сергій Пантюк. А невдовзі відбулась і офіційна презентація збірки... І ось вже минув рік. Час невпинно заводить місто в табакерці. В ньому ми поспішаємо долучитися до механічної какофонії не звертаючи уваги на інструменти, що вже вийшли з вжитку. Ще, здається, влітку Аня Лупинос говорила, що минуло не так багато часу, а про Сашу вже ніхто – ані пари з вуст. Набираю в пошуковій системі «книжка Олександра Колісника» і знаходжу лише пару сторінок з афішками тієї прадавньої запорізької презентації та останнього «Слива-фесту»... Жодної рецензії, жодного критичного відгуку, жодного посилання і згадки (навіть побіжного) в літературознавчих публікаціях... Мембрана пам'яті найтовстіша мовчить не пропустивши світла...

Мені здається, що із Сашою ми ще самі не зрозуміли – що то було. Він якось не очікувано і швидко спалахнув. І поки ми роззиралися, намагалися документати що то за вогник – він згас. І зараз можна стверджувати, що своїх кращих текстів Саша не встиг написати, що не з цим доробком варто відходити у вічність... Не знаю – ми маємо лише ці тексти, інших вже не буде. Саме вони звернули на себе увагу інших. Саме вони увійшли до книги, а відтак – саме вони кращі. І безумовно – вони варті повторного прочитання... Коли в листопаді на факультеті української філології відбувалася презентація антології «Сновиди. Сни українських письменників» декан факультету раптом, зовсім несподівано для мене попросила усіх присутніх вшанувати пам'ять Саші і Влада Кльо-на хвилиною мовчання (Саша і Влад закінчили цей факультет). Можливо, ця пам'ять стане підґрунтям в надії на те, що хоч би ці філологи звернуть увагу на його тексти (вірші російською й українською мовами і зовсім трохи прози)...

З січня в Запоріжжі почався відлік слем-поезії, як формального і систематизованого явища в руслі змагань і турнірів. Кашу цю заварив Чешир й пізніше окремий казан під неї завела собі Лера Шварц. Попри те, що в 2008-му я був одним з ініціаторів першого відкритого запорізького слем-змагання моє ставлення до нього скептичне. По-перше, слемер не обов'язково має бути поетом – головне для нього відбутися як перформансист. Тож для людей, які заходять до цього «з вулиці», з певного «маргінесу поезії» не створюються умови для авторського зростання. Перформенс не вимагає від нього художньої еволюції, ускладнення поезії. Окрім того, слем-середовище створює своєрідну екосистему, що живить і вирощує цих монстрів сцени і прокурених приміщень. В океані літературної періодики вони часто губляться, втрачають барви, перетворюються на тексти з примітивною структурою і вкрай зубожілою палітрою внутрішніх прийомів... До того ж (як мені здається) хвиля тотального захоплення слемом проходить. Вибухнувши в культурних центрах (Харкові, Києві) ця ударна хвиля досягла периферії. Провінція доживує цю кістку, як певну екзотику, як щось, що в її уявленні є вкрай актуальним. Але це не триватиме довго. Думаю, ще пару років і слем стане суто «клубом за інтересом», що об'єднає вузьке коло шанувальників.

На тлі цього захоплення я з деяким подивом спостерігав, як двічі протягом року до Запоріжжя привезли нечто під ім'ям «Ес Соя». Нечто презентували як «поезію бітників», чим спантеличили мене ще більше. Думаю, що цей мальчик якщо і має якесь уявлення про поезію бітників, то якесь вкрай дивне і явно невідповідне до того явища, до якого він намагається себе прив'язати. Ес Соя, це типовий продукт сучасності, українській клон Веро4кі Полозковой (їй вона при всій своїй художній вбогості вправніша за мальчика) про яку не так давно на програмі «Школа лихослів'я» влучно сказали: «Бродский обращён к Пушкину, а вы Вера – к лампам в метро». Бітники, явище протестне, з присмаком асоціальності. Вони ламають шаблони того як треба писати і як треба жити. Ес Соя – явище кон'юктурне, що з усіх сил намагається вписатися у мейнстрім. Це мажорний мальчик, який розробляє маркетингову стратегію своєї популяризації. Такий собі перегідролений Діма Білан від поезії (чи Серьожа Лазарев – кому хто більше імпонує)... І явище це в першу чергу свідчить про вкрай бідний смак читацької аудиторії (яка, щоправда, більше хоче дивитися на мальчика, ніж його читати) і не менш бідний читацький досвід провінційних поетів які із захопленням реагують на цей непотріб.

Важко не згадати про приїзд до Запоріжжя ключової фігури в ультрасучасному російськомовному літ-процесі – Діми Кузьміна. Прикро, що його приїзд більше сколихнув розмови про його сексуальну орієнтацію і псевдонаїзд на українську літературу, ніж про ті важливі процеси, явища і проблеми, що він окреслив... Може його лекцію в університеті варто було присвятити кольору спідньої білизни Діми і довжині його х...а й притрушувати цю розповідь цитати з віршів Єлени Шварц, Ольги Седаковой, Фаїни Грімберг, Валерія Нугатова, Лінор Горалік, Станіслава Львовского, Александра Анашевіча, Юлії Ідліс, Александра Авербуха та інших? Може саме в такий спосіб сприйняття і популяризація поезії проходила б жвавіше і легше? Однак, я безмежно вдячний Ірині Павленко, завкафедрою російської філології за її щире зацікавлення у виступі Діми перед студентами і віру в те, що це важлива, навіть «необхідна» річ. Може цей приїзд таки дасть згодом якісь відчутні па-ростки...

Ну і ще одна втрата яка вже захопила нас зненацька (про Сашину хворобу всі давно знали), це смерть Влада Кльона. Не знаю, що додати до цього. Про нього вже стільки сказано останнім часом. Невдовзі має вийти зібрання його віршів. В періодиці й досі з'являються матеріали присвячені його пам'яті. Влад був одним з найбільш суперечливих моїх друзів. Мені здається, він десь так приблизно і уявляв свій кінець хоча багато чого й не встиг з того, що запланував...

Під зав'язку року друзі й близькі підготували посмертне перевидання творів запорізького прозаїка, журналіста і публіциста Володимира Філя. Автора багато в чому неповторного і непересічного... Книжка вийшла хорошою поліграфічної якості, з великим накладом, так що сподіваюсь вона знайде широкого читача.

На цьому, мабуть, все...

ПРОЗА

Дмитрий ЧЁРНЫЙ

Дмитрий ЧЁРНЫЙ родился 10 марта 1975 в Москве, москвич в 8-м поколении. Постоянный автор днепропетровских журналов «Арт-ШУМ» и «Литера_Днепр». Книги стихов: 1. Выход в город, М,1999; 2. Револ материал поэмы Дом, М,2000; 3. Поэма-инструкция бойцам революции, М,2001
С зимы 1990-го года - рок-музыкант. Сначала басист в школьной рок-группе «Отход», потом (все 90-е) в ней же вокалист+басист, автор текстов. Группа играла совроковый гранж с элементами бард-рока, акустическими интродукциями и литературно-музыкальными композициями на стихи Черного. С 2001-го года - басист группы «Эшелон».

ИИбби (отрывок из 3-й части Поэмы Столицы)

запах на свитере – вот всё, что у меня осталось от тебя. почему-то я чувствую его именно когда надеваю этот свитер, из разряда водолазок-акселераторов – мягкий, синий, нежно облегающий, с горлышком. его мягкость напоминает твои прикосновения, напоминает нашу зиму, наши вечера...

я и не подозревал, что твой женский пот вперемешку с моим звериным так прочно запечатлеется, застрянет в этой синей шерсти. она тонка, но столь густ этот запах: он овладевает мыслями, он их окутывает и направляет. и ты доминируешь – твоя нежность, превратившаяся в осязание мягкой шерсти моей кожей предплечий, и в запах... почти парфюмерный, изысканный аромат взрослой женщины – в детстве я не различал источников запахов, но помню его уже тогда. да, он живёт под мышками, но гуляет сам по себе, куда хочет – и вот он поселился на моём свитере. и больше всего я боюсь теперь надевать этот невзрачный свитерок, ведь выветрится твой след, вытеснен будет новыми запахами... но он так спокоен и приятен – как ты. никакого драматизма и надлома, даже при осознании того, что наши запахи так недолго пробыли вместе.

такое значение придаю этому твоему посланию-аромату, живущему дольше наших чувств на моем свитере потому, что ты и сама была, как я, очень внимательна к запахам... помню, после того как мы стоя у батареи с тобой самозабвенно сливались нашими нижними различиями, ты писала, вернувшись домой, СМС: «не смываю с себя твой запах, помню твой ритм».

надо же – ритм... я и не задумывался об этом, просто двигался в тебе неспешно и нестремительно, стараясь не усиливать, а просто сохранять ощущение тебя изнутри. я вживался в тебя, а твои карие глаза становились какими-то загипнотизированными и преданными мне в тот момент. мы грелись у батареи. мы грелись друг другом... затем, разнявшись и от батареи отдалившись, мы снова стоя соединялись уже в середине ковра, не за его границами, и тебе вновь приходилось отставлять ножку в сапожке, ища высокой опоры. да, такой была твоя прихоть: абсолютно нагая, но в чёрных сапожочках, царица моя

рыжая. затем одевались и шли пить чай, сохраняя добрые семейные традиции и этикет, но вернувшись ко мне в комнату – не удерживались и, помня о недостаточности времени, уже на диване неслись к цели, сдерживая голоса и не снимая верхней одежды. ты так была прекрасна, серьёзна и отчаянна в чёрном кружевном лифчике и без чёрных трусиков...

но как неприятно это всё говорить в прошедшем времени! такая речь – признание собственного бессилия и конечности. признавая конечность чувств, смертность взаимности, мы лишь репетируем собственный финал. а ведь происходило всё меньше года назад, и как-то неожиданно удачно познакомился я с тобой на Пречистенке, в пресс-центре. я давно замечал тебя на тех же пресс-конференциях, на которые сам приходил по долгу службы журналюжкой. ты была сразу же мной воспринята как девушка из высшего общества. даже красноватый оттенок кожи, присущий природным рыжим, указывал на то (догадывался я, наивный), что ты отдыхаешь на нероссийских курортах, откуда привозишь такой загар... почему-то я был уверен, что ты сотрудница Росбалта, где мы проводили дискуссии, предрекающие режиму силовикам скорую кончину. я не решался к тебе подступиться там. зелёная жилетка и под ней всегда светлая, чаще клетчатая рубашечка – делали тебя настолько европеизированной и неприступной, что я тушевался. чёрные бриджи и чёрные же колготки под ними – ты выглядела как пресс-секретарь нашего шефа. я терялся в догадках, терялся взглядом в твоей яркости...

...нет, это прошедшее время просто унизительно!

итак, я теряюсь взглядом в твоей яркости, в твоём рыжем нимбе, нИбби (nibbi – твой ник в аське и имя на почте). и вот настает такой уникальный момент, когда я отваживаюсь заговорить с тобой, ещё и имени не зная. момент почему уникален: я занимаюсь во время пресс-конференции, в рабочее время раскладыванием сыра по тарелкам. вот оно, призвание журналиста. впрочем, это приятнее и полезнее, нежели сидеть в соседней большой комнате пресс-центра на Пречистенке и слушать хорошо знакомых тебе (мне) ораторов. я один в узкой комнате со столом посередине, раскладываю сырный пасьянс из всевозможных сортов – сырная вечеринка, завершающая наши прессу-хи, уже стала традицией. помимо сыра – вина красные, белые, шампанское, включая красное Цимлянское.

приятно в этой комнате невзрачного, но благородного здания 19-го века, в немного кухонной комнате, домашней... иной кусочек сыра попадает не на тарелку, а в рот журналиста. гляжу через приоткрытый стеклопакет в перегороженный стройкой Быковский переулок, на старь домов-соглядатаев. думаю, что неплохая работка, рабочее место тут – рядом всегда чай, а ещё такое сырно-конфетное изобилие, время самое рабочее, утро, хмурь...

и вот – несомненно сбывающаяся мечта. в мою комнатку, начинающую вкусно пахнуть, из десятков человек, сидящих за стеной, заходишь именно ты: свежая, рыжая, деловитая. шаги уверенные, быстрые, каблукастые. веки немного красные, раскосые карие глаза сияют и ищут. я поверить счастью не смею и не смею заговорить, но заговариваешь ты сама: тебе нужна вода, причём, срочно. кто-то там закашлялся. идёшь ты к окну, где стоят все ёмкости с кипячёной водой, включая два кулера по углам. всё, что я скороговоркой из себя исторгаю, вместо другого, о чём думаю:

- А можно сока налить. Тут несколько видов, то есть фруктов, вам какого?

нет, в ответ лишь улыбнувшись слегка удивлённо такому рвению, ты уже налила в чашку воды кипячёной и так же скоренько выходишь, а я не успел тебе сказать, что рад воспользоваться случаем и... познакомиться... потом-то я узнал, что закашлялся в зале не кто-нибудь, а твой муж – отставленный, но не вполне отставший.

всё это станет мне известно всего-то через месяц, но пока случай, для заправки резко к нам лицом повернувшись, подвернувшись нам и повернув наши лица друг к другу, резко отвернулся. я надеялся продолжить манёвры здесь же после окончания прессухи, но ты с ней убежала тотчас, не угощаясь. с мужем... впрочем, я тогда не подумал бы, что этот серенький качок в свитере, вида отстранённого и неинтеллигентного, может быть мужем такой яркой европейки. был он похож скорее на охранника. вот ещё ошибка: папа твой из татар – правда, тамошних дворян, и вроде фолькс-нетатарише. но что-то в скулах и глазах... молодая Елена Коренева вспоминается и тут же Шэрон Стоун – что касается черт лица, но волосы затмевают прототипы. впрочем, не берусь...

***

вновь мы скрылись друг от друга в долгих буднях, и лишь следующий гребень волны, уже в позимевшей Столице, нас встретил. и снова на Пречистенке, на этот раз повод был форс-мажорным: наш оголтелый оппозиционный сайт закрыли в самый разгар предвыборной думской гонки – якобы за оскорбление Нарусовой, прозвучавшее из уст Шандыбина. текст был лишь перепечаткой, однако к источнику претензий у Чурова и охранных инстанций не было. а нас закрыли явочным порядком: сначала требовали в письме (адресованном не нам, а Мастерхосту) вырубить материал, где Нарусова названа скандалисткой, а получив отказ, явились в Мастерхост и вырубili уже весь наш сервер. начальник мой его погрузил в багажник и – транзитом через Пречистенку и эту самую пресс-конференцию – повёз за границу, на ридну Украину, где законам чекистской эРЭФИи нас не достать.

на пресс-конференции были только свои, очень мало людей. пересчитать по пальцам. но тебя я сразу заметил рядом с тёмненькой журналисткой Каспарова.ру. ты серьёзно, даже удручённо в чём-то, записывала в свой аккуратный евроблокнот информацию, которую мы знали уже полдня, а сейчас начальственный дуэт выдавал её в рупор прессухи. сегодня уж без сырного стола и короче было мероприятие – сервер требовалось срочно перевозить, чтобы сайт включить вовремя. и вот тут-то, в суете, в нервной, но героическо-боевой (мы с нашим сайтом – политически притесняемые!) обстановке, в бродячих по первому этажу через незакрытую дверь пресс-центра запахах старого подъезда и свежего декабрьского снежка, я и осмелился сказать:

- Да что же это за такая секретная сотрудница? С вами можно познакомиться?..

начальник мой Баранов, стоящий рядом, зная мои повадки, сделал глумливо-мысленное лицо и сказал: «О-оо, это...». ну, мол, перед заурядным журналистом-мной, тебя нельзя рассекречивать, ты как минимум секретарь председателя нашего редсовета (как я догадывался). а ты, на этот раз не спе-

ша, прищурив слегка розовые веки, обратила на меня свои раскосо глядящие карие очи с вниманием. и улыбнулась, блеснув идеальными зубками, с лёгким удивлением-доброжелательностью.

- Хорошо, я вам откроюсь.

если бы я знал, сколь пророческими и куда более широкосмысловыми станут эти слова! беседа завязалась с полуслова. увожу тебя из многолюдного коридора в опустевший пресс-зал и умудряюсь парой вопросов выведать и твой номер мобильного, дав одновременно свой (они оказались на удивление и благословение похожи!), а ещё интересуюсь, не хочешь ли ты пойти на выставку картинок Мэрилина Мэнсона. ты не поняла сразу, что речь идёт о выставке – будто звал на концерт... о, эта растерянность! ты чувствуешь моё мужское внимание и наступление. неожиданно благосклонно говоришь, что наверное да. но что нужно позвонить обязательно, ибо можешь забыть. конечно, я буду звонить – буду беспокоить, говорю. и как-то всё естественно и удачно, но труба зовёт политически гонимых: начальник тянет меня на улицу, ему, отбывающему далече в одиночестве, нужно срочно дать мне важные распоряжения как остающемуся за старшего.

ты, на счастье, выходишь с нами на улицу, я галантно придерживаю подъездную дверь. ты – парой с тёмненькой журналисткой Каспарова.ру, а мы с товарищем-начальником идём до Пречистенки, оставляя в свежем тонком снежке чернейшие следы. медленно темнеет, снег валит сырой и крупный, но редкий. когда вы поворачиваете направо к Кропоткинским воротам, а мы налево к Садовому кольцу, я гляжу на тебя, мы все машем друг другу руками, будто мы-мужчины отправляемся на фронт, – и я бросаю свой многозначительный взгляд, встречая твой такой же. явный сговор симпатий.

ты наконец-то увидела меня! и что-то возможно... но сейчас нужно решать рабочие, жизненно важные вопросы: ведь если сайт не заработает, то и я безработный... а вы пошли пить фруктовые чаи или кофеи на Кропоткинскую. мы же – идём по холоду, в хлещущем снеге, решая дальнейшую судьбу сайта. начальник хотел чтоб я поехал с ним – дороги скользкие, одному рискованно ехать. вся судьба огромного ресурса с большой посещаемостью – в руках, в руле одного человека, и позади, в багажнике... но если я поеду напарником, кто тогда вывесит на сайте к вечеру (ещё до физического подключения сервера, за счёт резервных мощностей) едкую передовицу – не только вывесит, а и напишет её от имени начальника, в его стиле? да, мне судьба остаться тут. и идти пока на выставку «Нон-фикшн» в ЦДХ, снова налево...

на Крымский мост, поливаемый снегом в вечернем полумраке-полусвете. нахмурилась Столица – но сколько света, окаянства и надежд во мне! эта шикарная женщина откликнулась, открыла своё имя и номер мобильного!..

тебя зовут Наташею. изысканное, мелодичное, светское такое имя, с призвуком девятнадцатого века... а я, дурак, считаю железяки Крымского моста, гляжу в вечерне-снегопадную тьму, сгустившуюся слева вокруг грозного силуэта другой железяки – Петра Колумбовича... но внутри я сияю, как едущие мне навстречу машины – своими фарами. они озаряют мрачно-снежный сезон и два его события: свершённое грозным Чуровым отключение нашего сайта и моё знакомство с тобой. надо же – познакомиться с желанной и недоступ-

ной красавицей в такой именно день! к виртуальным жертвам политрепрессий женщины и судьбы благосклоннее...

в ЦДХ я забыл обо всём в многолюдье и движении по лабиринтам книжных стендов, а потом – на пресс-конференции уже по поводу готовящегося к выходу весной моего романища... в литкафе, рядом со стендом ОГИ, словесно блистал в микрофон, перегнутый мною же через стол с книгами (Геласимова и ещё кого-то, а моей там нет, понятно) – пересказом и заманиванием в ещё не существующую свою книгу. но она всё определённое ощущается где-то вовне. текст уже не такой беззащитно-разрозненный, разобранный, как был год назад. он организован в новое качество, в невидимом плане обретает высокую организацию страничности и переплёта. в проекте, который, увы, только в следующем году реализуется. но роман-эмбрион обрёл очертания, он скорее ближе к выходу на свет нежели к небытию...

...однако, тормозя события, сюда закрадывается ещё одна страничка, предыдущая – своим тихим всплеском прочитанности, перелистывания. по пути к литкафе встречаю жирно выделяющегося среди стендов, глазающего и пишущего интересом бывшего бойфренда особы, которую я прочил до этого дня в свои партнёрши. видел его только на фото, но сомнений в том, что это он – не возникло. в неряшливо сидящих чёрных джинсах, высокий, очкастый, пузатый, лысеющий, но с длинными, собранными в самурайский пучок тёмными волосами. что в нём так возбуждало мою микро-подругу? для меня это стало ещё более непонятным. позвонил ей, сообщил, что я на выставке и кого тут встретил – она нисколько не удивилась совпадению и немного огорчилась, будто наблюдая сейчас его в мой прицел...

на «Нон-фикшне» – медлительно и тоскливо. пока говорю, меняется людской пейзаж в районе галёрки, у барной стойки мелькают знакомые личности, среди них глядящий в никуда полноликий патлАч Цветков-младший... но вот – отвыстал в литкафе и заслужил кофе с коньяком. говоривший с моим литредактором, хипповолосый погрузивший грузинский князь Данила Давыдов обнял душевно, как родственник: давно ж не виделись... угощающие автора мои милые корректорши и редакторши хвалят за выступление – мол, откуда такие ораторские навыки?.. митинги-митинги да два года на радио! но этого не говорю, отмалчиваясь и отпаивая горло алкогольно греющим после получасового спича. однако тусовка за столиком быстро рассасывается, когда начинается следующее выступление в микрофоны – какие-то детские книжки и их авторы... и мне предстоит теперь путь домой, к компьютеру, чтобы сообщить, что наш сайт успешно за полдня эмигрировал и уже заработал. кажется, что ЦДХ с соблазнительно-товарным книжным содержимым топко обнимает и засасывает, как болото, а нужно бежать – новостьИть...

но кофейно-коньячный драйв успешно донесён до компьютера и преобразован в передовицу с картинкой-фотографией: седой непримиримый Лимонов показывает фак с чернокаменным кольцом на среднем пальце. просто как символ сопротивления. выбор картинки – мой, само собой.

Итак, ФОРУМ.мск снова работает – спустя сутки молчания по вине ЦИКа, нарушившего Конституцию РФ своим указанием “закрыть” нашу открытую электронную газету.

Ну, прежде всего, хочется показать всем структурам, участвовавшим в отключении сайта от Сети великолепный и красноречивый жест, думаю, Эдуард Вениаминович, читающий наш сайт, как Ленин “Правду”, не обидится за использование его образа.

Сегодня в Независимом пресс-центре сразу же после пресс-конференции еще одного “личного врага Путина” Илларионова, прошла пресс-конференция “Очередное преступление против Конституции РФ - закрытие МВД сайта ФОРУМ.мск”...

это знает моя свобода: пишу от имени начальника, никаких сдерживающих моментов, будто стих пишу, очередями вбивая не кнопки клавиши, а гвозди в репрессивный буржуйский режим, в гроб его. за час – около пятидесяти комментариев... нас читают, нас ждут, без нас уже не могут!

и ждёт встреча с Наташей под мрачной звездой Мэрлина Мэнсона. и надо как-то развязаться с микроподругой. бедняжка не то, чтобы больна на голову – но явно в своей избушке частного сектора неподалёку от Тушино затерялась от мира событий и сближений. например, травит себя каким-то дорогим антиоплодотворителем регулярно – не потому, что её кто-то оплодотворяет, а потому что боится, что на улице её изнасилуют, и заранее принимает меры. рецидивов не было, никто на неё не нападал. но в этой странной фобии человек стал бледен и чахл – от средства, которое и я покупал по наивности, не пробуя ещё микроподругу на свой аршин, то есть не давая повода принимать мерзкие таблетки... самое смешное, что и принимать меня в себя микроподруга планировала исключительно в резиновом облачении. двойная защита, выходит. причём, не во всяком, а только в «СИко» (она именно так произносила). да, именно «...сила», именно прошедшее время, которое не хочется вспоминать – хотя, было недавно.

поездки в ранних сумерках от «Тушинской» на электричке, стояние на платформе и наблюдение вороньих собраний-перелетаний в высоких ветвях, боязнь замёрзнуть за десять минут хода до частного сектора, отогревание уже в избушке, ремонтные работы... вот как меня далёко закинул бросок московской баловницы Анастасии Второй, посчитавшей, что у нас мало секса и что она хочет больше и чаще, и с прежним, глупым, но жеребцовым, которого сама звала Николаем Вторым (Первым был, соответственно, её первооткрыватель). не то, чтобы сильно переживал – скорее, посмеивался, – но желание быстро компенсировать потерю женского расположения доминировало. и не считалось ни с какими расстояниями.

спас ЖЖ, но обманул юзерпик... поводом для визита стала кампания по раздаче привечённых микро-подругой котят.

кстати, и предыдущая подобная история лет десять назад не увенчалась интимом – все чувства отдавались животным, которые имели внутриутробных глистов и через два месяца умерли, о чём мы узнали постфактум. та дивчина из длинного дома, из-под которого выходит метро «Ленинский проспект» была более общительна, но и более курительна: поэтому когда по дороге из квартиры её бабушки на «Молодёжной», куда поселили одного котёнка, она стала ко мне жаться в метро и с жаждой поцелуя дышать откровенно прокурено, ничего кроме отвращения я не испытал. большегрудая, основа-

тельная девушка, поклонница русского рока, она была предсказанием Анастасии Второй. хотя, что-то было в ней и от Платошки – наверное, видимость советских статуй из окна (венчающих её дом над самим Ленинским проспектом), это и манило, как ни странно. потом она мне попала на глаза в компании какого-то несоразмерного кабана-брата... девянсто седьмой, «Максидром», обмен видеокассетами с этим «Максидромом», с фильмом «Полное затмение», из-за того, что там её любимый Ди Каприо... но не сошлись.

и здесь, под Москвой, с микро-подругой – сразу как-то всё пошло вкось. первое же впечатление – обонятельное, для меня важнейшее – ужасное. кошачий туалет у самой двери, подогреваемый теплом газового отопления. микро-подруга, конечно, молодец – приютила тут от зимы подальше кошку-рожищу... и я взялся распространить котят там же, где завязалось знакомство с нею, но публика в ЖЖ только фыркала, громче всех – остепенённый Минлос... потом микро-подруга захотела утеплить окна своей избушки (она, поссорившись с родителями, вынуждена была жить с интеллигентной тётей здесь, в изгнании). сперва развернувшись теоретически во весь свой рост кавалера, я затем начал сворачиваться на практике: микро-подруга не вдохновляла.

если рот предполагаемой любовницы не влечёт сразу к поцелую – не стоит продолжать. я лишь однажды прижал её на постели, разведывая подмышечную растительность, весьма густую, и прощупывая грудные обстоятельства... и не вдохновился, но как джентльмен с лит-коллегой продолжал общаться. у микро-подруги было богатое секс-прошлое, иногда и двое её навещали за раз... и на фото старшеклассном она была весьма вдохновляющей, и не такой брюнеткой как сейчас, волосы были каштановыми, длинными. это подтверждает мою вампирическо-эмпирическую теорию о зависимости окраса волос от секс-партнёрства. беда микро-подруги заключалась в фатальной склонности к декадансу, а точнее к подгнившим декадентам вроде Красавина или Багдасарова, но матерные стихи «об этом» она писала простейшие и тем очень звучные, хоть и с несчастьем. считала при этом некое Подвального куда талантливее и её, и за компанию – меня...

в каком-то смысле, попав в эту подмосковную избушку, я дошёл до границ своего безбабьего отчаяния, попал в своё опустошённое либидозное помещение, откуда давно была выселена блондушка, выветривалась Маленькая Галя, и недавно сбежала Анастасия Вторая. и нашёл здесь не страсть, не секс, но простой человеческий гуманизм, её и свой. помню – первый раз когда искал, я шёл под мокрым снегом без головного убора, на волосах образовывались сосульки и изморось. я выбредал из столичного одиночества где-то под Красногорском...

чаепития, глубокие беседы о литературе, продовольственное снабжение котят с моей стороны... правда, микро-подруга в разговоре обещала, словно бы сдаваясь: «Ну что поделаешь, дам». но только в «СИко». резиновая уравниловка, уничижение, унификация красы моего бойца. и это тоже отпугнуло. правда, сама словесная эта простота самоотдачи микро-подруги меня прельщала – но именно она, как показывает мой же опыт, всегда является синонимом ответа «нет». если обещают – точно не дадут. не по злобе, а так сложатся обстоятельства.

и ещё была забавная метафора: я ведь начал свой визит в избушку с заполнения стеной пустоты монтажной пеной. надо было законопатиться от чуть ли не «щелкунчиковых» размером крыс, которые угрожали котяткам и впускали ветер. А вот я и воткнулся первым делом в прогрызенный заплитусный угол стены и «кончил» туда весь баллончик пены. этой-то пеной весь проект и сублимировался, видимо... но история как-то продолжалась. когда микро-подруга широко открывала рот, дразня язычком и намекая на поцелуй – ещё сильнее целовать её не хотелось. зубы микро-подруги были измучены поеданием сладостей на ночь без чистки перед сном, а любовь к тому рослому лысеющему толстяку и дешёвой макаронной пище у него дома закончилась панк-креатитом. бедная отшельница!..

...но вот – кончилось это пригородное, дачное путешествие в собственное неудачничество, ссылка в разделённое одиночество, где парность выглядит ещё хуже, как жалость. а нужна любовь и страсть, нужна эмоциональная передоза – чистая звонкая доминанта, а не грустный доминант-септ-аккорд.

теперь же – освобождён! огненная красotka увидела меня, поняла мои намерения, и двинулась навстречу... согрей же меня после путешествий в снежный край избушек, населённых бедняжками!

Майя
СТУДЗИНСКАЯ

Майя СТУДЗИНСКАЯ (в прошлом Степанова) родилась на закате социализма в городе Киеве. Закончила среднюю (с номенклатурным уклоном) школу. В высших учебных заведениях училась трижды, но до диплома доучилась всего один раз. Первые две недоученные специальности: психология и паблик рилейшенс. Диплом получила по специальности издательское дело.

Работала, где придётся и где не скучно – в научно-исследовательских институтах, частных лавочках, Минздраве, в издательстве «Факт».

В остальное время: жила, влюблялась, творила, сходилась и расходилась, опять сходилась и публиковала свои произведения в различных лит журналах.

Публикации: журнал «Радуга» 3-4'2004, журнал «Дикое поле» (Донецк) № 3 2003 г., газета «Ярь» № 6, 2003, (Кривой рог); «Книжковый огляд» № 10, журнал «Соты» № 11, 2005; интеллектуальный глянец – «Зефир ДайJust. Модное чтение» с 2004 по 2006, «Нова проза» Луцк №11 (2008 г.); альманах «Каштановый дом» выпуск 4'2008; журнал «Арт Шум» (Днепропетровск) №3 (5) 2010. Дважды выступала со своими рассказами на третьем канале украинского радио в передаче «Радуга», в 2010 году заняла первое место на конкурсе прозы в Союзе Писателей Украины (проект Натальи Вареник «Писатель в интернет пространстве»).

Разоблачение

Каким образом в мою тихую благопристойную жизнь вторгся непримиримый враг домохозяйек и главный смутьян нашего бомонда Гремлин Гейсон?

Однажды возле киоска со всевозможной газетно-журнальной продукцией я повстречала свою сотрудницу Фифу Карамелькину – особу «пасторальную» во всех отношениях. На крадчивый вопрос продавца: «Чем могу помочь?». Она, ничуть не смущаясь, и даже как-то буднично, ответила: «У вас есть последний шедевр Гремлина Гейсона?».

Невдалеке разорвалась петарда, я ойкнула и уронила сумочку. Невозмутимая Фифа, поправив розовый шарфик, посмотрела на меня с чувством явного превосходства.

— А вам чего, барышня? — насмешливо поинтересовался продавец.

Хотелось взять свежий номер «Вышиваем дома», но почему-то я попросила культовый журнал: «По ту сторону глянца».

Несколько остановок на метро рядом с Фифой. Недоумённо я смотрела на её кремовое пальтишко, кремовые ботиночки, кремовый неброский макияж и на кулёк с картинкой: два пушистых котёнка на ромашковом поле. Именно эти безмятежные беленькие создания маскировали свежее испечённые произведения Гремлина: «Губительные афоризмы» и «Фотохронику актуальных извратов».

Я силсилась сопоставить Фифу и Гремлина. Найти хоть что-то общее. Фифа: пресновато-вежливая, пьёт только сладкое шампанское в канун больших государственных праздников, одевается пастельно, впрочем и ведёт себя также, не терпит непристойностей, чувство юмора «хромает на обе ноги».

В конторе, она сидит напротив меня, почитывает «мастеров и мастериц душевного романа», говорит исключительно о земном, бытовом, простеньком, бабском.

За десять минут, пока мы ехали вместе, она даже не попыталась оправдаться.

Гремлин Гейсон — чудовище. Носит черные трико с глумливыми черепами на выпуклых местах. Красит губы, зубы и уши в чёрный цвет, а щёки, лоб и подбородок нещадно штукатурит белой пудрой. Демонстративен, неприличен, беззастенчиво «негодяйствует» в средствах массовой информации. Таблоиды окрестили его пупок самым нецензурным пупком отечественного шоу-бизнеса. Ему понравилось — и он усугубил, витатуировав на своём животе сомнительную женщину в непристойной позе, причём пупок, теперь как бы и не совсем пупок... «Врата ада!» — выкрикивал Гремлин, распахивая рубашку и поигрывая мышцами брюшного пресса... Многие краснели.

Несколько лет подряд Гейсон занимал первое место в престижном конкурсе «Главный греховодник года».

Его так называемое творчество — это некие театрализованные представления, инсталляции со всевозможными безобразностями, отвратностями и похабщиной.

Недавно Гремлин открыл заведение под названием: «Театр вселенского порока». Он шумно гастролирует по областям, доводя до инфарктов тамошних градоначальников.

Его неоднократно привлекали к суду за домогательства, осквернения, оскорбления, вандализм, эксгибиционизм, вуайеризм, растление в особо крупных размерах, и некрофилию. Как с гуся вода. Пираньи-адвокаты в два счёта доказывают, что Гремлин Гейсон неприканный сирота, жертва бездушного социума.

Не много же я знала об «инфернальном подонке». Почти никаких подробностей и очень мало конкретностей. Но, даже этого хватило с лихвой, чтобы категорически «непонять» Фифу.

На самом деле у меня всё хорошо. Отдельная свежееотремонтированная квартира, любимый муж — приятной наружности и характера, «непустеющий» кошелек, здоровая психика. Короче, для всяких Гейсонов, здесь явно не было места.

Когда стены родного дома тепло обняли меня, наполнили душу светом, а тело восхитительным ощущением полной безопасности, я и думать забыла о дурацком происшествии.

Мы поужинали, тихий томный вечер, приглушённые разговоры о милых пустячках... Мы любим друг друга, мы верим друг другу, понимаем друг друга без лишних слов. Полная эмпатия, симпатия, гармония.

Муж игрался с телевизионным пультом, я проводила ревизию своего гардероба – мирно, не досадуя и не делая замечаний вроде: «Почему мне опять нечего одеть!».

Муж отправился на кухню, заварить нам травяной чай на ночь глядя. Я не особо прислушивалась к телевизионной болтовне, но вдруг...

— Стыд – это наркотик для мещан! — Гремлин Гейсон, одетый в свои незабываемые трико восседал под чёрным балдахином на громадной двуспальной кровати. — Выпирающая рахитичность обывательского мировоззрения ведёт этот мир к неминуемому краху!

Пугливая остроносая ведущая с бегаящими глазками пропищала в ответ:

— Вы призываете молодое поколение к разврату?! Вы стремитесь упразднить традиции наших отцов?!

— Мышиная истерика – символизирует о полной беспомощности общественных институций! — ухмыльнулся черноротый Гремлин, смачно хлопнув ведущую по дрожащей коленке. — Я плюю на молодое поколение, а также плюю на отцов с их традициями. Я выше, я ниже, я с боку, впереди и сзади. По отношению к бытию я использую все позы Кама-сутры. Каждый день! Каждый час!

Гремлин брызнул кипящей слюной в камеру и лихо отбросил со лба лоснящиеся пряди.

— Но должны же быть у человека какие-то идеалы! — дребезжала журналистка.

— Единственный идеал, божество, кумир Гремлина Гейсона – это Гремлин Гейсон! — беззвучный хохот, казалось, что тёмный, как дальний космос рот проглотит камеру.

— Ваш эгоцентризм – это проявление инфантильности, признак одиночества, неуверенности в себе! — похоже, ведущая чувствовала себя героиней, которая бросается грудью на амбразуру.

— Хочешь, чтобы я уделил тебе внимание, пустоголовая поганочка? Тогда задери юбку! Может выражение твоей задницы окажется соблазнительнее выражения твоего лица.

У Гремлина длиннющий язык с пирсингом, должна сказать: «матерным пирсингом». Три крошечные золотые всем понятные буквы...

— Зачем ты смотришь всякую дрянь. — муж безапелляционно вырубил телевизор.

Целый день, я пыталась разглядеть хоть какие-то следы Гремлина Гейсона в Фифе Карамелькиной. Около двенадцати она традиционно хлебнула кофейку с шоколадкой, потом подвела плотненькие губки бледной помадой...

— Слушай, вчера Гейсон давал интервью 30-му каналу. — осторожно подступила я.

— У тебя тоже кабельное? Расширенный пакет или стандартный? — как ни в чём не бывало, деловито любопытствовала она.

Ладно, не стану вникать в непостижимость её души. На столе у Фифы целый день пролежал журнальчик: «Цветы в интерьере».

Я уныло полистала «По ту сторону глянца» – потные «волосатики» в кожаных штанах сходились и расходились с перламутровыми красотками. В глазах рябило от кружевных чулок, атласных рубашек, от настежь распахнутых жемчужниц ярко покрашенных ртов...

Почему он всегда являлся для меня полной неожиданностью? Могла бы сразу догадаться: ему самое место по ту сторону глянца...

На фото красовался грешник всех времён и народов Гремлин Гейсон. Он самозабвенно водил женским бритвенным станком по брюху гигантского тарантула. Камера беззастенчиво фиксировала мурашки удовольствия, бежавшие по его обнажённым плечам. Патлы были аскетично собраны в хвост на затылке, женский корсет немилосердно сдавливал кудрявую грудь... Статья называлась: «Три основных отличия между постановочным трахом и трахом стийным».

Фу, какая невообразимая мерзость, поскорей бы выбросить из головы!..

— Интересный журнал? — зевнула Фифа.

— Нет. Не очень. — я ответила сдержанно, соблюдая её интонации.

— Не люблю журналы, далёкие от житейских проблем, без всяких практических советов. — усмехнулась она с самым ангельским видом, открывая «Цветы в интерьере».

Поеду-ка я сегодня на маршрутке, думаю, она быстрее доставит меня домой...

— Буквари, презервативы и тушёнка — делают вас рабами повседневности! Их навязывают властимущие, чтобы окончательно загадить ваши разжиженные мозги! — жизнерадостно выкрикнул румяный отрок, вываливаясь из битком набитого автобуса.

Белокурая девочка с большими голубыми глазами и золотистыми локонами сконфужено тянула его за рукав:

— Что ты несёшь, Митенька? Люди оборачиваются!

— Дерёвня ты, это же Гремлин Гейсон! — одёрнул её паренёк.

— А, так бы сразу и сказал... — тут же успокоилась отроковица.

Что происходит? Только я одна замечаю все эти странности?

— Котик, тебе не кажется, что люди вокруг слишком много болтают об этом... Ну как его... психе конченным Гремлине... — аккуратно уточнила я, поставив перед мужем тарелку супа.

— Нет. — отмахнулся он. — Например, у меня в офисе, бесконечно мусолят последнее выступление депутата Мойдодырова.

— А что есть и такой? — я всплеснула руками.

— Да, он большой любитель покопаться в чужом грязном белье. — скривился муженёк. — Хорошо, что мы так далеки от них, это просто счастье...

На несколько часов воцарилась сладкая безмятежность. И только ближе к полуночи я снова взбудоражилась.

Кухонный мини-телевизор ненавязчиво тявкал в углу. Я подошла, чтобы выключить его, и увидела, как экран перечёркнула кривая ухмылка Гремлина:

— Потребители глянца, скоро придёт конец вашему перламутровому правлению! — неистовствовал он.

«Власти города Бухова не выпустили из здания аэропорта скандально известного ...» — взволновано тараторила корреспондентка.

Я ещё раз тщательно умылась прохладной водой и нырнула в постель, согретую мужем.

Почему тушёнка? Буквари и презервативы ещё куда ни шло, но тушёнка...

Мне снился штиль на море, безлюдный пляж, что-то ласково щекотало мою пятку. Я улыбочиво потянулась, приподнялась, желая рассмотреть, что так нежно трогает мою кожу... От ужаса спёрло дыхание. На моей ноге сидел красноглазый кудрявый паук. Откуда ни возьмись, кажется прямо из возду-

ха, материализовался Гремлин Гейсон. Чёрной зубочисткой он пронзил паука и гнусно улыбаясь, вручил мне чайную розу.

Мой истерический визг переполошил мужа.

Конечно, я не выспалась, хмурилась и угрюмилась. Муж сочувственно целовал меня в обе щеки.

Возле моего подъезда беседовали две женщины – дворничиха тетя Маня и кумушка в цветастой косынке.

— Слышите, говорят, что пора проголосовать за отмену преклонного возраста.

— Кто говорит? Оппозиционеры? — дворничиха, в сердцах плюнула на-земь.

— Да нет... как его – беса? Гей Грумли-ин!

— Ну молодёжь! Ну артисты! — тетя Маня метлой растёрла собственный плевок.

Есть у меня мудрая подруга Гобелена – отзывчивый толкователь бессознательного. Посоветуюсь с ней...

— Тебе не хватает романтики. — задумчиво выслушав мой сон, заявила она. — Сидите в четырёх стенах, пылинки друг с друга сдуваются...

— А при чём тут Гремлин?

— Как при чём? Он же – секс-символ, передовик соблазна... Значит, у тебя и сексом не лады...

— Какой же он секс-символ?! Уродец! Дебил! Ты видела его макияж?! А что он прячет под ним? Кривенькую прыщавую мордочку?! А его черепа?! По-моему, они всё преувеличивают! Смехотворный ублюдок! — я даже не заметила, что стою в центре комнаты и бешено размахиваю руками.

Гобелена смотрела исподлобья, жилочка на её виске насторожено пульсировала:

— Вообще-то, он мне даже нравится. — сделала она сенсационное признание немного капризным тоном.

— Да нет же! Невозможно... — протестовала я, а Гобелена взяла меня за локоток и проводила в прихожую.

— Ты не осознаёшь, что втюрилась по уши?! Он тебе всюду мерещится, говоришь только о нём... — поставила она диагноз, захлопнув перед моим носом дверь.

Весь вечер я прижималась щекой к надёжному плечу мужа.

— Не включай, не включай телевизор, там страшное показывают... — умоляла я.

Новый день начался мирно: вежливое весеннее солнце, медлительный транспорт, добродушно-сонные пассажиры.

Пройдя мимо курилки, я случайно подслушала диалог двух программистов:

— Прикинь, вчера скачал почти всю «Интермедию рукоблудия»...

— Гейсоновскую?

— Ну да, а чью же?

— Я не любитель, но дашь потом почитать...

Уши можно и заткнуть, но мысли куда девать? Тушёнка как символ рабства... Людоед он что ли?..

Напротив сидела лукавая Фифа и освежала маникюр...

Пользуясь обеденным перерывом я узнала, что журнал «Цветы в интерьере» не так прост, точнее – прост, прост, как правда... правда жизни. Только почему-то здесь рекламировали дезодоранты и гигиенические...Ой...

«ЧЁРНЫЕ ТАМПОНЫ ГЕЙСОНА
МИСТЕРИЯ НОВОЛУНИЯ
ВЫ ИХ НЕ ВИДИТЕ?
ЗНАЧИТ, ДРУГИЕ НЕ ВИДЯТ ИХ ТОЖЕ!!!»

По центру, на тёмном фоне – белые пятна напудренных, щёк, носа, подбородка Гремлина, его глаза закрыты. Ниже – надпись, более мелким шрифтом и немного не в тему:

«Откажись от санитарных норм – удовольствие должно быть грязным!».

А меня, по-прежнему, интересовала заклятая тушёнка!

Я заглянула в верхний ящик Карамелькиного рабочего стола: лак для ногтей, расчёска, зубная паста, зубная нить... Средний: бумага формата А4, ножницы, клей, липкая лента., скрепки. Нижний: наверное, у неё полное собрание сочинений неутомимого грешника... только я приоткрыла «Губительны афоризмы», как сзади меня больно потянули за волосы.

— Ах мерзавка! Сучка подколодная! Шпионишь за мной?! — разъярённая Фифа трясла меня как грушу.

— Прости, прости... — мямлила я. (Обычно она дольше не возвращалась с обеда).

— Не прощу! — Фифа пыталась врезать мне коленом под дых.

— Ты посягаешь на моё личное пространство, убогая мещанка! — лицо Фифы покраснело от свирепости, а вот укладка – в идеальном состоянии.

Я, как могла, защищалась, прикрываясь «Афоризмами»:

— Прости, просто было любопытно...

Она тузила меня кулочками по рёбрам:

— Ты хоть знаешь, кого мнёшь своими буржуазными ручишками?! Знаешь? Адепта свободолобия! Пасынка абсурда!

На подмогу пришли программисты: они пытались унять буйную Карамелькину.

— Что за трамтарарам?! — вошёл один из начальников: его тоже побеспокоил наш сыр-бор.

Это Людвиг Петрович – пятидесятилетний джентльмен, ярый приверженец здорового образа жизни и здорового образа мыслей.

— Просто девушки Гейсона не поделили. — прыснули программисты.

— Ай-ай-ай! На работе надо работать! Вам за это деньги платят! А ваша долбанная субкультура уже в печёнках сидит! — грозный взгляд Людвиг Петровича нацелился на слегка потрёпанные в бою «Губительные афоризмы». — Так, немедленно дайте сюда эту гадость! Верну в конце рабочего дня... может быть...

— Всё из-за тебя, мышь попсовая! — над моих ухом хищно клацнули зубы Фифы Карамелькиной.

Я боязливо покосилась на неё. Она, как и всегда хранила нейтральное выражение лица.

Из опасения, что она отравит меня или больно кольнёт булавкой, я попросилась на компьютер в соседнюю комнату.

— Не горюй, мы тебе за день всего Гейсона скачаем. Надо было сразу к нам обращаться. Мы – ребята дружелюбные, нежадные. — обрадовались программисты.

А может он прав, и тушёнка приводит нас к рабству?

Жуткая толкотня в метро, но мне удалось отвоевать уютное сидячее местечко. Рядом разместился господин с портфелем и в шляпе, он скучно читал газету: «Новые проделки Гремлина Гейсона: сумасбродный сластолюб вызывает на ринг буржуазную мораль». Фотография подмигивающего Гейсона в боксёрских перчатках, левая – красная, правая – чёрная. Всё, меня затошнило...

Подземный переход... Мимо ковылял хромой тощий мальчик – продавец свежей прессы, он звонко выкрикивал заголовки: «Экономика: подскочили цены на все канцелярские товары! Кто за это ответит?.. Спорт: нападающий не понял арбитра... Светская жизнь: самодовольный аморал пойман на горячем. Неужели правосудие бессильно?».

Мне было до слёз жаль ребёнка, я плаксиво открыла кошелек, но на газетной странице рядом со словом «аморал» разместили фото Гремлина – руки в боки, плечи расправлены.

— Брысь, со своей газетой! — сорвалась я.

Ребёнок pokrutil пальцем у виска и показал язык. Я устыдилась. Чудилось, что прохожие неодобрительно косятся в мою сторону.

В супермаркет я зашла для того, чтобы купить сметану, хлеб, стиральный порошок... Думала держаться подальше от той части зала, где продаётся домашняя техника, ведь там целая стена коварно мерцающих телевизоров. Но не тут-то было! Как назло, порошки, освежители и туалетную бумагу перенесли поближе к отделу электроники.

Все экраны показывали одно и тоже: экзальтированную даму балъзаковского возраста, которая взалёб рассказывала:

— ... и, с воистину демоническим озорством, он уронил зажженную спичку в мой бензобак...

Я убежала к самой дальней кассе. Ни малейших сомнений. Кто другой способен так бесшабашно баловаться со спичками?

Долго-долго перед моим внутренним взором маячил лоснящийся нос «дамы с горящим бензобаком».

У меня ничего не болело, но нужно было лечиться. Я положила грелку на живот и весь вечер пила горячее молоко с мёдом. Муж то и дело подходил ко мне, трогал лоб, вздыхал, качая головой.

После вчерашнего скандала с Фифой я и заикнуться не смела о больничном. Благо, дожидка до пятницы! Теперь впереди два чудных дня, когда нашей конторы вроде бы и вовсе не существует.

Карамелькина безразлично поздоровалась со мной и продолжила пудриться.

На своём столе я нашла пригласительный в «Театр вселенского порока» на шоу «Показательная лоботомия».

— Выходит, мы с тобой почти сёстры... — сквозь зубы процедила Фифа. — Так что, милости просим...

— Это ты, что ли, принесла? — не на шутку изумилась я.

— Нет, с неба свалилось... — ответила она скрипучим голосом.

Я детально рассмотрела пригласительный. Обязательный чёрный фон, Гейсон в своих любимых трико (Говорят, в темноте они светятся черепами...).

Перед ним на коленях стоит лысый человек и покорно сдирает свой собственный скальп. Это было на титульной стороне пригласительного, сзади та же картина, только лысый человек уже вскрыл черепную коробку и угодливо протягивает Гремлина свои мозги, капает кровь... Брр!

«ШОУ ИЗБАВЛЕНИЯ ОТ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСОВ!

Ты всё ещё чистишь зубы и застилаешь кровать? Ты веришь прогнозам погоды и утюжишь исподнее? Тебя ещё что-то смущает? Тебе недоступна первобытная бесхитрость

отношений?!

Эксклюзивная лоботомия от Гремлина Гейсона! Полная ампутация стыда, совести и хороших манер! ВЕРНИСЬ К СЕБЕ ПЕРВОЗДАННОМУ! ПОВЕРЬ В БЕЗУСЛОВНОСТЬ СВОИХ РЕФЛЕКСОВ!»

Пожалуй, мне пора сдаться на милость тушёнки...

Я заглянула в шкаф. Где взять подходящую одежду? Была у мужа одна старая чёрная футболка. Конечно, я в ней заблудилась. Зато у меня появилось ощущение, будто меня обволакивает и незримо хранит от напастей большая и чистая любовь. Потёртые джинсы, потёртые ботинки, солнцезащитные очки. Супруг задерживался допоздна, я набрала его:

— Э-э-э... — сразу же растерялась я. — Дело в том, что Фифа пригласила меня на одну вечеринку...

— Ха-ха-х! На какое-нибудь сборище непорочных вязальщиц макраме?! — как ему было весело.

— Ага, похоже...

— ОК. Иди, развлекайся. Позвонишь, когда тебя встречать.

Слишком просто, даже досадно: тянуло преодолевать препятствия, но их не оказалось...

Из каждого окна и щели здания «Театра вселенского порока» вырывался красный луч прожектора, оттого оно выглядело колючим. Внутри пульсировали гигантские изображения сердца – настоящего, со всякими аортами. Увеличенный в сотню раз звук этого сердца заставлял меня нервничать. Пол под ногами вибрировал. Периодически изображение сердца пропадало, и на его месте возникала физиономия Гейсона: он ржал далеко запрокинув голову, на его дрожащем языке вульгарно поблёскивали три буквы. Как человек мог издавать такие нечеловеческие звуки?

В холле толпились люди: из-за макияжа аля Гремлин, было тяжело определить их точный возраст. Сквозь каркающий хохот «неугомонного хулителя посредственности» мне удалось разобрать таинственные слова:

—... для избранных... распродажа прошлогодних кальсон... 200 баксов... вечером...

—Ты смотри, как дёшево!.. Девушка, у нас частная беседа! Нельзя же, вот так вот, прямо подслушивать! — это ко мне.

Беседовали двое – высокий парень вампирического вида и седовласая женщина с просто «заоблачным» начёсом.

— Извините. — я двинулась в зал.

Здесь собралось столько народу, что если бы вошли и все те, кто остался в холле, меня бы расплющили в лепёшку.

— Вам на балкон. — сообщил болезненного вида билетёр в колпаке фаллической формы.

Открыв «балконную» дверь, я едва не закричала: там сидели стопроцентные трупы. Застывшие зеленоватые лица, синяя помада, небрежно размазанная по ротовым щелям, уши в плесени... У женщин — причёски в виде пауков.

Они придирчиво осматрели меня и остались недовольны. Я села в первый ряд на свободное место рядом с девицей. На голове её была чёрная повязка, губы сочилились густой синевой, веки, наоборот, — ярко-красные... Дальше не хотелось смотреть... Ох, она подвела вены на руках!

Все присутствующие хранили гробовое молчание.

На сцене уже творилось нечто: какие-то тела потно сплетались и расплетались, попеременно звучали то сердечный гул, то язвительный хохот Гейсона. Неожиданно все зрители, как по команде, встали. На сцену беззаботной походкой вышел Гремлин, остановился, его глаза были закрыты. Долгое время звучало зловещее эхо его шагов. Зал затаил дыхание. На Гейсоне был парик: тёмные сальные волосы практически до пят, он прятал в них бледное тело. Что-то торчало в его носу. Дышал он изредка, скупенько дёргая уголком рта... Складывалось впечатление, что он набрал в рот воды и не глотает её. Потом я поняла, что в ноздри вставлены небольшие лампочки. Они зажглись: одна — болотно-зелёным, вторая — кроваво-красным. Сегодня его пухловатые губы мерцали серебром. Он резко открыл глаза и рывкнул:

— Не жди милости от природы, когда она сама молит тебя о пощаде!

Гейсон достал изо рта шевелящегося чёрного таракана и торжественно раздавил его ботинком, потом второго, третьего... Всего пять штук. Как они не вывалились из его пасти в момент крика?

Дальше он вынул из своего нецензурного пупка муху, поднёс её к микрофону. Насекомое неистово жужжало, он милостиво разжал пальцы — и муха улетела.

— Лети, бесстрашное дитя, рождённое в самом искреннем месте на планете Земля! — пауза, он трижды хлопнул себя по животу. — Не угадали! Всю правду о человеке знает только его клозет! Или вы хотите оспорить эту истину?!!

— То была зелёная муха, зелёная! — восторженно защебетал паренёк, сидевший за моей спиной. У него был бинокль, а на голове синяя купальная шапочка, на которой он нарисовал белой краской череп.

Зал ликовал, в воздухе парили чёрные колпаки, топики, шлёпанцы:

— Гейсон, ещё! Гейсон, покажи больше!

— На колени, шелудивые потаскушки! — взвыл Гремлин, и красная лампочка в его левой ноздре погасла.

Было видно, как несколько человек в первом ряду радостно выполнили его команду.

— Я сказал, шелудивые потаскушки, а не зловонные выродки!.. Зловонные выродки, до вас ещё дойдёт очередь!

— Это он к вам, к девушкам, обращается! — паренёк с биноклем энергично толкал меня в спину.

Девушка с кровавыми тенями мигом хлопнулась на пол.

— Не выделяйся, ты не на работе! — она с треском дёрнула меня за низ футболки.

Я тихо присела. Некоторое время ничего не происходило.

— Шелудивые потаскушки, вы согласны со мной?! Я спрашиваю: вы согласны, что только в клозетах снобы показывают своё истинное лицо?!!

Я едва не оглохла от бурного дамского «даканья».

— Встаньте, я разрешаю.

Зелёная лампочка в левой ноздре погасла, а красная в правой – загорелась.
— Зловонные выродки, вы понимаете меня?! Вы готовы пасть на колени и согласиться со мной?!!

Короче, «выродки» тоже не стали спорить.

На долю секунды в зале стало темно, затем последовали яркие вспышки: красные и зелёные, красные и зелёные. Рябило в глазах. Фух, с меня достаточно, нужно было как-то выбираться отсюда...

— Они отняли у нас эстетику испражнений! Вы помните, как они делали это, когда вам не было ещё и пяти?! Они пользовались вашим неумением достойно ответить! — разорвался Гремлин.

Закаркало воронье, у потолка появились голуби, они перепугано носились по залу, и скоро чёрные зрительские балахоны покрылись светленькими пятнышками.

— Говорят, это к счастью. — Гейсон хохотал самым зверским образом.

Одна из птиц залетела к нам, на балкон, умостила на какой-то жёрдочке и миролюбиво чистила пёрья.

Сцена, в том месте, где он стоял, начала подниматься. Главный грешник принял высокомерную позу: скрестив руки на груди, нетерпеливо постукивал ногой.

— Вы плохие?! — поинтересовался он у зала.

— О да! Да! Конечно! — вскричала толпа.

— Ха-ха-ха, а я – ещё хуже! — похвастался Гейсон. — Вы низко пали?!

— О, как низко мы пали!!! — люди рвали на себе парики и корсеты.

— Но я – ещё ниже! — его самодовольству не было предела. — Вы тупые?!

— Тупые! Тупые! — подтвердил зал.

— Ха-ха-ха! А я – самый умный!!! — лампочки в носу кумира весело замигали.

— Ну ты даёшь, Гремлин! Обалдеть!..

Гейсон застыл, кажется, восторг толпы перестал интересовать его. Он нетерпеливо махнул рукой:

— Тише! Тише, я что-то слышу...

— Ты слышишь биение наших сердец, Гремлин! — раздались голоса, полные слепой любви.

— Не дышите! — потребовал Гейсон.

Вокруг всё замерло, многие люди сжимали пальцами свои ноздри.

— Что я слышу, кто-то заснул и храпит на балконе?! — Гремлин прищурился и топнул ногой.

— Покажи, кто и на каком балконе. Мы надерём ему задницу! — были рады стараться первые три ряда зрителей.

— Не дышите! — повторил Гейсон. — Я слышу Ваш храп! Слышу! — закаркивал он. — Вы опять проспали первую часть шоу, опять?!!

Гнетущая тишина.

— Это я к Вам обращаюсь, мама!!!

На одном из верхних балконов кто-то забулькал, заплямкал и закричал.

— Ох, сынок, прости старую дуру... — прозвучал старческий голос.

— Вам плевать на мои творческие успехи!!! Так я и знал! — брызнул слюной Гремлин, повернувшись к залу сторбленной спиной.

— Нет... Сынок... просто я устала немного... Сегодня с утра давление подскочило, пришлось сбивать...

— Гейсон, не плачь, мы с тобой! Мы любим тебя! — крикнул кто-то в толпе. Девушка с красными теньями ткнула меня в бок локтем:

— Идём!

— Куда? Кто вы? — вздрогнула я.

— Фифа! Фифа! — последовал ответ. — У меня есть доступ в его гримёрку.

Она силком вытащила меня в фойе.

— Не узнаёшь? Отлично! Сегодня я, наконец, похожа на себя. Как тебе макияж?

— Впечатляет. — неуверенно пробормотала я, глядя на утопленницу с кро-
воточащими глазами.

— Вот! Вот! Собственно — это самый простенький вариант, называется: «Зарево геенны», видела бы ты макияж: «Девять кругов ада». Но, чтобы так накраситься, нужно больше времени, сегодня я не успела. Не дрейфь, и тебя потом научу, а то ты бледенькая какая-то... — тараторила Карамелькина.

— Мне пора домой, муж... — начала я.

— Причём тут муж? Подождёт твой муж, не маленький.. Я подделала про-
пуск в закулисье к самому Гейсону. Пошли.

Она показала мне листок в устрашающих кровоподтёках «Чёрный вход в пре-исподнюю» — да, именно так, через дефис.

— Говорят, у него есть тайная гримёрка, под землёй, но туда я пока доступа не имею. Может, в следующий раз... Сейчас будет антракт. Мы быстро заско-
чим, до того, как он вернётся и... возьмём себе что-нибудь на память.

Я отрицательно мотала головой, тем не менее мои ноги послушно следова-
ли за Карамелькиной.

— Мы на автограф-сессию. — высокомерно заявила она недоверчивому охраннику.

Он нехотя пропустил нас в извилистый коридор и пристально смотрел
вслед.

— Как ты найдёшь его гримёрку — здесь столько дверей? — поразилась я.

— Нюхом учую.

Ничего особенно ужасного в «Пре-исподней» я не обнаружила. Зеркала, тумбы, баночки с тараканами и мухами, три ряда вешалок с безумным шма-
тём: дюжина «черепастых» трико, блузы в бурых пятнах, кожаные корсеты, что-то кружевное, парики... Нам не удалось здесь освоиться: кто-то нажал на дверную ручку, и мы спрятались за вешалками. Фифа аккуратненько раздви-
нула полы пеньюаров и с любопытством следила за происходящим.

В комнату влетел разъярённый Гремлин, за ним тащила маленькая се-
довласая старушка в синем цветастом платье с кружевным воротничком.

— Сынок, ну чего ты дуешься?

Гейсон остановился у зеркала и начал выкручивать лампочки из носа.

— Вы совсем не гордитесь мной, мама?! — обиженно загнусавил он.

— Ох, сынок, горжусь... Ты у меня такой резвенький вырос. Но я уже не в том возрасте. Я посмотрю, послушаю, как вы ребята веселитесь — и меня в сон клонит... Возраст такой. Доживёшь до моих лет, поймёшь! — старушка ла-
сково похлопала безутешного Гремлина по спине.

— Но Вы храпели! Храпели! — Гремлин швырнул лампочки на пол и они разбились.

— Опять эти истерики! — всплеснула руками старушка. — Уже пора по-
взрослеть. Мужчин в твоём возрасте мамы за ручку не водят.

В двери трижды громко постучали.

— Кто это? Я никого не жду? — встрепенулся Гремлин и отодвинулся по-
дальше в угол.

Мама Гейсона вышла вперёд и открыла дверь: на пороге стоял здоровен-
ный красный до ушей детина:

— Извините, позвольте, я вообще-то сотрудник театра...

— Сынок никого не принимает, ему сейчас немного нездоровится... — заявила улыбчивая старушка.

— Кто вы такой?! Что вам нужно?! — Гремлин не подходил близко.

— Я пожарник, 10 лет работаю в этом помещении...

— Пожарник?! — вскричал Гремлин. — Я же просил, чтоб никаких пожарников ко мне близко не подпускали....

— Так я для дочки, доця автограф просила... — пожарник порылся в кармане, достал оттуда фотографию и протянул её маме Гейсона.

— Ой, сынок, смотри, какая хорошенькая девочка? В каком она классе? — умилилась женщина.

— В четвёртом уже, отличница... — едва не лопнул от гордости пожарник.

— Ладно, ладно, только пусть не подходит близко... Вы же знаете, мама, как я не люблю этих всяких пожарников... — Гремлин неприязненно взял фотографию из материнских рук.

— Чего, ты Гремленушка, пожарник он ведь не бабай какой-нибудь, он людям помогает... —

Гремлин поднял на мать страшные глаза:

— Просишь Вас, просишь по-человечески, а Вы то о бабаях поздно вечером, то пожарников пускаете, может, ещё анализ крови возьмёте?!!

Он быстро расписался на фотографии и вернул её через мать.

— Сынок, бабаев никаких не существует, я уже тебе сто раз говорила. Пожарники — тебя не обидят, у них других забот полно. А о здоровье надо думать обязательно! Если врач говорит сдать анализы, то будь готов!

— Мама, хватит! — потребовал Гремлин. — Вы опять срываете моё представление. Почему он не уходит?

Пожарник поднял с пола какой-то куцый паричок и смущённо теребил его.

— Ну-с молодой человек, — мама широко улыбнулась незваному гостю. — вы довольны автографом?

— А то как!

— И пусть парик забирает: всё равно после пожарника, я его больше не надену. — Гремлин повернулся ко всем спиной и, закусив губу, плаксиво уставился в зеркало.

Когда за пожарником зарылась дверь, мама укоризненно покачала головой:

— Стыдно, стыдно, так себя вести. Он же нормальный человек.

— Он пожарник! Я их не люблю! — Гремлин плюхнулся в кресло и драматично закрыл лицо руками.

— Горе мне, горе! — мать подошла ближе и долго гладила его по голове. — Он же даже не на машине пожарной приехал, а пешком...

— Мне только машин со шлангами не хватало! — Гремлин ворчливо всхлипнул.

Фифа Карамелькина завистливо надула губу:

— Так, я себе тоже что-нибудь на память возьму, не всё ж этим наглым пожарникам! — она дёрнула за ближайшую блузу, к которой были пришиты пауки. Вешалки содрогнулись.

— Ну вот, накликали беду своими бабаями! — ойкнул Гремлин и спрятался за спину матери.

Та подбоченилась:

— А ну, кто там, выходите немедленно?!

Что ж, я просто хотела домой, обнять мужа и поужинать. Поэтому я выскочила первой и крикнула:

— Мы бабаи, привет!

Гейсон аж присел от неожиданности:

— Мама, она же врёт, правда ведь, врёт? — шептал он. — Ведь бабаи совсем не такие... Вы, что теперь и бабаёв ко мне пускаете?!

— Конечно врёт! Поклонницу не можешь от бабая отличить?! — разозлилась мать.

Я подбежала к двери и рванула ручку, мама пошаркала за мной:

— Ну бесстыжие девки пошли! Творческому человеку прохода не дают, лезут и лезут во все щели! — кричала мать Гейсона мне вдогонку своим дребезжащим безобидным голоском. — Охрана! Охрана!

Я немного заблудилась в плохо освещённых коридорах, намотала девять кругов и выбралась через маленькую боковую дверь. Тянуло упасть на землю и душераздирающе хохотать, дрыгая ногами.

Дома муж в волнении вышагивал по кухне. Трясаясь от смеха, я бросилась в его объятия. Он совершенно не понимал причины столь бурного веселья, но охотно поддержал меня несколькими улыбками. Наверное, это и называется безусловной любовью.

— Зачем ты нацепила мою футболку? — изумился он. — О, смотри, птичка тебя пометила.

— Говорят, это к счастью, к счастью! — я снова рассмеялась и повисла у него на шее.

ПОЭЗИЯ

Александр
МОЦАР

Александр МОЦАР родился 20 марта 1975 года.
Куратор сайта "Черновик". Лауреат журнала Дети Ра (2006 год). Вице-президент Академии Зауми Украины (АЗУкр)
Автор многочисленных публикаций в России, Украине, США, Франции, Германии.
Публиковался в журналах: "Черновик" (США), Стетоскоп (Франция) Журнал Поэтов (Россия), Футурум Арт (Россия), Дети Ра (Россия), Другие (Россия), Топос (Россия) Альманах Академии Зауми (Германия), АКТ (Россия), Словолов (Россия), Союз Писателей (Украина), СТЫХ (Украина), Арт_ШУМ (Украина), Литера_Днепр (Украина) и д.р.
В антологиях: "Актуальная поэзия на Пушкинской 10", "Антология Поэтов", "Киев (анатомия города)", "Земляки", "Наш Выбор"
В 2008 году выступал одним из организаторов международного мэйл-арт проекта "45 лет школы корреспонденции Рея Джонсона"

Неброская осень

Предыдущая была в цыганских юбках
В браслетах из красной рябины
А эта
Всего лишь просит
Чтобы ее не сразу забыли

Хрупкая
Глаза красивые
Огромные
Как на дагерротипе
Веры Холодной

Что еще?
Детали мелкие
Морсящей пылью
Те, что запоминают редко
Или делают вид что забыли
***

Серая
Вспыхнула краем багровым
Глаза
Козырьком ладони
Прикрыв
Наблюдаю за небом

В котором
Летят привидения с мотором

И полным боекомплектom
Зарево
Здорово
Похоже на клип Вагнера
Который снял Коппола

Глаза
Козырьком ладони
Прикрыв
Наблюдаю
Как...

не всхлип но взрыв
***

Утро
...октября
У тебя
На счету каждая минута

Ввиду этого
Ты принимаешь решение непростое
Ехать в метро
Возможно даже стоя

Людей дофига и...
Но ты занимаешь место
Плечами стариков раздвигая
Втискиваешься в кресло

Просьбы нищих
«Умирает... помогите Христа ради»
Тебе плевать на них
Ты знаешь
Это враки

Небольшой затор
У дверей
Эскалатор –
Тот же самый конвейер

Твоя мораль –
Чужая харизма
Ты деталь
Сложного социального механизма
***

В серый
Пепельно-серый
Серый как мышь
Вечер

Который из туч
Из морозящего
Мелкого
Скучного
Я ухожу

Лак неона на мокром асфальте
Взгляд скользит по нему
В результате
Я
Не замечаю как
Не замечаю где
И зачем

Зачем
Рядом со мной
Друг
Говорит о Джойсе и Белом
Сравнивает
Белого с Джойсом
«Петербург» и «Улисс»

Улиц хвосты
И холсты на которых
Люди
Куда-то
Зачем-то
Куда и зачем?

Куда и зачем?
Я ухожу от тебя каждый вечер.

Ірина ШУВАЛОВА

Поетка, перекладач. Народилася в Києві 13 березня 1986 року. Закінчила філософський факультет КНУ ім. Тараса Шевченка, де наразі пише дисертацію. Здобуває другу вищу освіту в Київському інституті перекладачів. Авторка публікацій в «Українській літературній газеті», журналах «Просто неба», «ШО» та «Всесвіт», газеті «Література і життя», часописах «Четвер», «Кур'єр Кривбасу», «Березіль», «Критика», альманахах та антологіях. Упорядниця першої на теренах СНД антології сучасної світової квір-літератури «120 сторінок со-дому». Учасниця численних перформенсів, читань, фестивалів, літпроектів. Член журі Шостого фестивалю «Молода республіка поетів». Лауреатка численних конкурсів – зокрема, 2009 року відзначена першою премією літературного конкурсу видавництва «Смолоскип» у номінації «Поезія». Дебютна збірка поетки «Ран» побачить світ 2011 року.

м'ясо дерева пахне сріблом
м'ясо дерева біле-біле
за гачок зачепившись німбом
ти співаєш маленьке тіло

груди в дерева гострі-гострі
плоть дуріє і пнеться дибки
крізь свій торс простромивши осінь
ти співаєш маленька рибко

груди в дерева гострі-гострі
ніздрі в дерева з павутини
спати в морі тебе запросять
сонцесяйна моя дитино

м'ясо дерева пахне сріблом
дибки плоть вимагає диби
ти співаєш свою загибель
ти співаєш маленька рибо
***

літо близьке. це наш відчай
лоскоче нам пальчики.
темні балкони. водою підмило сваї.
бузок починається. бузок більше не відпускає.
літо близьке. сублімуємо. плачемо.

хроніки від оріона. комети. затемнення.

сутінь, як плесо, змикається над головою.
білі мережива сну заплітаєш рукою –
іншою кириш. безсоння наснажує темами.

дерева стоять на плотах
дерева гойдає страх
зірки завбільшки з форелей
дрімають у них на руках

нас не вбила війна. нас убила відсутність війни.
вечори. запальнички. сентенції. станції. діти.
літо тремтіло і небом пускало громи,
як пускає цівочки слини старий паралітик

ми в надії кудись подітися їли ґрунт.
що не день, то земля ставала

все ближча й більша.

літо важчало. літо вже наступало на груди.
листя ночами шкреблося в пітьмі, як миші.

дерева несуть свої сни
сто років не буде війни
сто років не буде війни
дерева несуть свої сни

ще одне таке літо не пережити, не випити.
розкручується пружинка безвиході в тілі.
хроніки від оріона. будинки білі.
нахилиєшся – пальці деруть цілі жмутки зілля.
море десь поруч глухо гарчить про всяк випадок.

це не літо. це так осінила тебе твоя смертність.
звуки води почалися зі звуків каміння.
все добігало початку. боліли коліна.
небо світлішало. густо тремтіла піна.
птахи дивилися мовчки – сторожко й зверхньо.

тінь набуває обрисів
тінь набуває обрисів світла
це моя тінь набуває обрисів світла
це моя тінь

***

хлопчик зі змієм повітряним замість серця.
як тебе, хлопчику, зафіксувати між пальцями?
як прослизнути між крапель, з усіх твоїх версій
вірну обрати, а не найпрекраснішу? dreizehn
довгих minuten пролежавши поруч з тобою,
я починаю плутати звуки і літери.
але рану рота, на щастя, не можна загоїти,
рана рота завжди нестерпно болітиме.
хлопчик-повітряний-змій, бірюза і смальта,
піт і піна, шаліє двигун між ребер.

тінь твоя за тобою біжить асфальтом,
тінь твоя за тобою, а ти – у небі,
наче якийсь божевільний еллін, розбещений
спокуюсо вдарити тілом у убубон вітру.
халдеї хиблять, але таки знають дещо –
їх через це особливо страшно любити.

хлопчик з повітряним змієм... на небі записано
стільки секретів – тобі їх довіку не вивчити.
хлопчику, ми невагомі – усі ми виснемо
десь у міжчассі, і хто сказав, що ти – вище?
хлопчику, змію, ось і в ікара ікла,
усміх ієрофанта, вітер за пазухою.
не всі летять, але падають всі. твій виклик,
твій відчай це правило зайвий раз уразливо.

хлопчик зі змієм повітряним замість серця.
як лікувати смертельні твої укуси?
як тебе втримати? втім, якщо линва рветься,
хлопчику, ти ж все одно мене не відпустиш...
але крапає теплий віск, отже скоро титри,
отже хто, крім сонця, тепер тебе в лоб поцілує?
часом повітряним зміям бракує повітря,
часом і зміям нестерпно повітря бракує.

***

карма

привіт. карма за руку вітається. страшно
лежачи на підлозі у ванній, плакати
винним оцтом. наше життя вчорашнє
в чайнику осідає на стінках накипом.

гризли відстань - та час перегриз нас. що тепер
скажемо ми при зустрічі одне одному,
крім остогидлого "з ким ти? - із ким завгодно..."

в зошиті пам'яті чортики чортики чортики,
хай омине те страшне і безслівне ніщо тебе -
та, за полями, ні в тин ні в рядок безодня.

ти вже під олівець мій лягаєш вдруге.
руки тремтять - це певна ознака тексту
надто близького до вивершення. потуги
їдуть родові, а ще ж і не сталося сексу.

це непорочність, а в неї приходять пішки
з теплих борделів плоті - нам буде добре
в складках тугих паперу. нам буде вкотре

солодко з іншими спати у інших ліжках
а щоб не сіпались, нам на обличчя нишком
діти неспільні наші натягнуть ковдри.

Наталья
БЕЛЬЧЕНКО

Родилась в Киеве. Окончила филологический факультет Киевского университета. Автор нескольких книг стихов, публикаций в журналах «Многоточие», «Черновик», «Вавилон», антологии «Освобожденный Улисс» и др. Получила премию Хуберта Бурды (ФРГ) в 2000 году (Hubert-Burda-Stipendium 2000). Лауреат литературной премии имени Николая Ушакова Национального союза писателей Украины (2006).

плотве, плоящейся в Ирше,
была поимка по душе –
единой плотью с рыбарём
становится доплывший в нем
до всех проточных закромов,
до влажной бережной луны
неисчерпаемый улов,
которому посвящены
живые плотные толчки
вовсю открывшейся реки,
когда касается плотва
незарастающего шва
* * *

Стою, виноватая перед тобой,
Как будто бы морок повсюду какой.
В слиянье же Тетерева с Иршой –
Смирение и покой.

Костер, как в воронку, уходит в луну,
И бездну увидеть еще не одну
Успею, телесно тебе изменив,
Предопределив разрыв.

Кто спит на земле – тот едва отделен
От силы хтонической, выбившей вон
Все донья, подкравшейся в плаче обид,
Выблёвывающей стыд.

Но реки – на то, чтоб отмыть добела.
А ты приютишь меня там, где была
И прежде – где рана в предсердьё твоём,
Бессрочный ее объём.
* * *

Предчувственный был и пречистый,
Блестящий, как стык дождевой,

И только от радуги быстрой
Подернутый тонкой плевой –

Не день, а одно пере-дневье
Меж скрытой, подземной рекой
И речкой похода, кочевья –
Всем телом вбирающей зной.

Ночёвка в понятливой пойме,
Где реку в себе отопрёшь.
Не спрашивай, речка, легко ль мне
Запруды обрушивать сплошь.

Чтоб – шелест морёного дуба
В брусчатых ночах вне времён
Послышался, чтобы подуло –
И боль твою выдуло вон.
* * *

На горький глоток, подноготную вечность
Ты сам себя опередил –
И вдруг догоняет непрожитый вечер,
Для коего нету мерил.

Когда сведены и гора и предгорье
И можно в серёдке прилечь –
Легчает, пока остаешься в зазоре,
Пока незлопамятна речь:

Еще твоя подлость не передалась ей,
Еще не настигла вина,
И речь как всегда проявляет участие,
Похоже, что только она.

Она утешает, как Ева Адама,
Целуя вовсю и всего,
И вечер горит в волосинке вольфрама –
С тобою одно вещество.
* * *

Тогда всем телом прижималась
Река – и уходила вспять,
И то, что рифмовалось с «парус»,
Ласкалось к ней, чтоб продолжать.
И пахло ими полнолуние,
Спустившимися с вер и трав,
Устами лета накануне
Все сны возможные собрав.

Ольга БРАГИНА — поэт. Окончила факультет переводчиков Киевского национального лингвистического университета. Стихи публиковались в электронных журналах “Альтернатива”, “Новая реальность”, альманахе “Изба-читальня” (Владивосток), журналах “Арт-шум” и “Литера-Днепр” (Днепропетровск), «День и Ночь» (Красноярск), участвовала в фестивале “Мегалит”, фестивале медиа-поэзии “Вентилятор” (Санкт-Петербург), Волошинском фестивале.

И что нам делать теперь с такою сплошной любовью — пришел на рассвете, расставил склянки свои, щетку зубную в футляр. Никого уже не страшит вопрос, любит ли он Софью, всем известно, что это расстройство психики, черный дареный дар. Если сейчас начать декламировать, можно закончить к обеду, перестать писать себе записки, клеить их на монитор, выживать не научены, я никуда не уеду выносить из избы новый сор, и совсем не хитер, потому что два человека встречаются через два года и не женятся, потому что на самом деле дела есть и поважней, говорят, что мир испортился, очень плоха погода, никакого сладу с кровью, дай Бог вам с ней управиться до холодов, иначе станет пломбиром, превратится в ослика или в родную кладь, черная ночь распускает бутон над миром, любит ли он Софью, я выхожу искать, но в этих ремарках опять ничего не ясно, дети в пробирной палате пьют лимонад, ты для себя давно уже безопасна, тушат огни, городские садки горят. Любит ли он Софью, и сам не ответит точно, но в совокупности преступлений выбрав запасы вин, алая кровь, потому что должна быть проточна, черная дальше, и он остается один в мире, где много всего, но это избыток, можно обойтись своею кожей и ручкой, как мертвый Делёз, собирать листы салата, на них — улиток, придумать к зимним играм особо важный вопрос — где твоя кудрявая Софья, мажет кремом запястья, придумывает новую пантомиму, прячет косы за воротник, ты уже опоздал в двадцать лет умереть от счастья, и к ней, словно к зеркалу, снова душой приник, а она собирает репчатый лук, потому что так будет модно, рассказывает истории из жизни, своей почтой, она наконец жива и совсем свободна, и это ей в какой-нибудь плюс зачти при плохой экологии и предпосылках к бегству, рассказах о данности, выданной нам с лихвой, чуть свет на ногах, приходит с повинной к тесту, один нечаянный с ворохом черствых хвой, и все остальные чают, но ближе к делу получают ту же веточку и раствор, и нам придется всем полюбить омелу, и слева направо лгать, в чем не каждый скор.

***

Вчера опять по дешевке нарзан и брынзу, еще одна залежалая жизнь как будто. Княжна глядит на мир сквозь мутную линзу, расписные челны плывут из низовий Прута. На чужой роток не накинуть платок с узором, золотые кольца и пряник один печатный, я тебе пишу, мой свет, о прощании скором, потому что волны черны и на солнце пятна. Стан свой стройный хочется выставить на витрину, свой коричный глаз и пальчики из пластмассы, а твои дары я попросту отодвину, потому что долог путь и пустую трассы, и пустую пляжи, и маленькие кофейни, шалаши и замки, и здешняя подворотня, не осталось больше ни птиц, ни змей, ни всего того, что дорого мне сегодня, а завтра даже не вспомнить, в волнах играя, добавляя больше соли морской и пены, я тебе смешна, в сердцах утону другая, трафареты зол, французские гобелены. Эта память лжет, что раньше здесь было пусто, человеческий след расходя на диктантах, потому мы все давно прочитали Пруста, изучили тень на левом плече инфанты, и от этого слаще жизнь показалась плоти, захотелось есть хурму и ходить по гальке, только это всё конечно же вы тут врете, проступает след на каждом сюжетном тальке, от добра не ищут добра, вообще не

ищут, потому что вдруг найдешь – приручай тут в муках, а потом пойдут, как все остальные, в пищу нам двоим, и соль растворится в звуках.

***

«Дождитесь действия сети», поминутно слетает сеть, кошельки с медвежатами, бантики и открытки, забыть того, из-за кого настойчиво умереть хотелось, но удаётся всегда со второй попытки, а к этому времени всюду стоят посты, и пальцам становится жарко в февральской стуже, все мои письма к тебе, как словарь, просты, и от склонения горлышку только хуже. Не дозвониться этому оператору, ад кровавых телец, в сердце мотор и в голове опилки, пообещают снова весну на ТЭЦ, снимут триста рублей до утра с мобилки – как же так, что же ты, я же тебе пишу, я же тобой грешу, как бесплодным трёпом, три апельсиновых зернышка малышу пообещай, и поженимся автостомом. Скоро наступит весна и всему конец, кто и не слушал – всё молодец, куда там, делу венец и сорок твоих колец, и прилетают грачи по ночам к лисятам.

***

Собирать по пять поколений, еще семейная сага, в подъезде всегда темно и не спросит, кто ты, потому что внутри зима и в стакане влага, и любила только твердые переплеты. Потому что он поливал штопор паленым спиртом, предлагая тебе вино за рубль девяносто, потому что вы тосковали вместе о детстве сытом, которое тоже ад, что совсем не просто. Потому что ты говорила ему – станьте моим сыном, я буду ходить на собрания, вас забирать из школы, потому что нельзя всю жизнь вот так вот к трем апельсинам, нужно что-то еще. Те же грабли, внутри проколы. Потому что когда было пять часов, вы еще не спали, а нужно было уже раскладывать по сусекам лапшу, унесенную ночью из «Трали-Вали», не забыть в машине случайно коробку с чеком. Потому что ты понимаешь – всё эти зимы, и словеса выспренны, и замечанья мелки, а твои возвращения будут невыносимы, ты живешь внутри, как Саурон – смог подземки. Потому что скоро начнет светать – не нащупать вену, не собрать по полочкам все свои раскладные души, и куда тебя я теперь в своих текстах дену, разве только десять минут покурить снаружи. Потому что он говорит, а она выносит окурки, бросает на первый снег, и варежкой трет под глазом, царевна-лягушка вылезает ночью из новой шкурки, ищет старую, выпив все слёзы разом. А они сидят на пороге чужой квартиры, не шелохнутся занавески, цепляя краешек ногтем, скоро можно будет в эту же реку треской вернуться, и не ждать прощения, как для вины повтора.

***

Все родные списать на военные действия и на острый, как нож, психоз попытались, подумать в курилке: «Есть ли я, двадцать девять сплошных полос», а потом опять забирают курево, штраф выписывать в полный рост, запретить аэробусы, всё продули вы, мир не прост и совсем не прост, потому что нужно стремиться к гибели и копить на солидный саг, и любить таких, что вдвоем пошли бы ли вы туда, где скучал Макар. Расторопным девушкам из Дубровника и зрителям у аптек не нужна судьба и простая логика, и роса у излучин век. И любить таких, что потом зажмуриться, для чего тебе всё оно, Пушкин озеро башня яблоко курица, разнородное домино. И тепло ли тебе, и сыта ли далее, красивее ли всех живых, как приносят зеркальца из Касталии, пустоту отражая в них, а тебе рисовать еще что-то, мучиться – здесь и окна, и образа, принеси мне новое, Троеручица, и в пустом глазу бирюза. Ну на что они тебя здесь воробышка и лисицею, и быльем, нужно чашу любую разбить до донышка, а мы пьем, снова пьем и пьем. Все родные списать на осенней выставки избавление от души, и компьютер твой наконец завис-таки, ничего больше не пиши, всё о том, что он тебе сухожилия и отвертки мешал в стакан, но ведь как-то, было же время, жили, я не оправлюсь уже от ран, буду просто

смотреть, когда ночи темные, сериалы о жизни крыс, заходи ко мне в уголки укромные, выполняя любой каприз, просто так, потому что рожденным мучиться никогда не найти отвод, и твоя строка наконец озвучится, как под небом костистый плод, и за всех забытых тобой любимую сорок пенсов дают с утра, и с авоськой идешь за любовью мнимой, так от голода не хитра. Камень дали кому-то – не хлеб, широкою, как метафора без затей, всё грозит нам гибелью и осокою, всё прекрасно. У Лорелей нет защитных функций блестящей кожицы, черный гребень, в руке весло, и бумагу камень весло и ножницы снов в яму не унесло. Ты сидишь на камне почти под пальмою и поешь, что за ночь внутри, и за этой песней твоей печальною убежит она, не смотри, как лежит она на холодном донышке, там, где самый ненужный груз, а в сердечко все забивают колышки – сорок девять печальных муз, и одну не выбрать, чтоб всем обидчивым предоставить открытый счет, как прожить сто дней без любви и пищи вам, если всё по усам течет. Ты не видишь больше, чем нам положено, после титров пойдет повтор, и какое сердце в тебя ни вложено, и какая бы с этих пор ни была ты горькая и послушная, в подреберья сидит сверчок. Это просто подать твоя подушная, а не стих, что к тебе жесток. Разорвать на части всегда успеется, ну а склеить тут кто хитер, и который год твое тело змеится, солнце, зеркальце и костер. И тепло ли тебе, хорошо ли, девица, чтобы нечего рассказать, потому что потом ничего не склеится, и в себе ночевать, как тать.

Станислав БЕЛЬСКИЙ

Станислав БЕЛЬСКИЙ родился 28 октября 1976 года. Учился на механико-математическом факультете Днепропетровского госуниверситета, затем в аспирантуре. Сейчас работаю программистом.

Прозу начал писать в пять лет, а стихи в пятнадцать (после чего проза была заброшена). Мои стихи появлялись в журналах "Воздух", "Дети Ра", "Зинзивер", "Волга", "День и ночь", "Стих", на интернет-ресурсах "Топос", "Другое полушарие", "45-я параллель", "Точка зрения", "Пролог", "Новая литература" и др.. Опубликовал книгу стихов "Рассеянный свет" (Днепропетровск, "Лира", 2008).

Стихи про Джоанну Лето

1
никто
из ныне живущих поэтов
не может
швырнуть окурков
так артистично
как Джоанна Лето
в лоб своему президенту

2
даже Джоанна Лето
не знает
на какой дудочке
высвистывает ночь
свои бутафорские песни

3
у Джоанны Лето
сутулая спина
и это
не остаётся
незамеченным

4
стоит Джоанне Лето
появиться на людях
и люди тоже
появляются
на Джоанне Лето

5
Джоанна Лето
больше не откликается
на бесстыжую морду

Сергей КУЛИКОВ родился в 1987 г. в Феодосии. Живу и работаю в Днепропетровске. С 2005 г. — участник литературной студии «Уголёк» при Национальном горном университете.

Лауреат межобластного литературного фестиваля «Пушкинский свет» (Днепропетровск, март 2010 г.), финалист конкурса молодых литераторов «Молодая муза» (Днепропетровск, июнь 2010). Победитель конкурса поэзии в рамках всеукраинского литературного фестиваля «ТА-НЕ-НА-ДО-Фест» (Днепропетровск, август 2010). Стихи печатались в альманахе «Карантин: Феодосийская тетрадь» (2004). Соавтор сборника «Версия», совместно с братом Дмитрием Куликовым (2009). Персональный сайт <http://skamandr.narod.ru>

Простуженный блюз

Я закутался в шарф и пытаюсь дышать,
но не служит заложенный нос.
Я истратил свой спрей, но сопеть всё трудней —
зацепило, похоже, всерьёз.

Весь платок засморкав, подключаю рукав,
как последний припрятанный туз.
И сквозь пальцы летит — непристойный на вид —
мой сопливый, простуженный блюз.

Это грозный недуг: я горяч, как утюг,
и заразен весьма и весьма,
словно мой господин — “аш-один эн-один”
с ужасающим префиксом “А”.

Толоконный мой лоб сотрясает озноб,
весь я красен, как спелый арбуз.
В марле нос, в марле рот — но сквозь уши ползёт
мой гриппозный и вирусный блюз.

Позвонив на “ноль три”, подползаю к двери,
приникаю к бойнице глазка.
В белой бездне палат мне забвенье сулят
острый шприц и чужая рука.

Так приди же, мой друг! Принеси мне грейпфрут
или манго — мне важен не вкус...
Безрассудно больной, для тебя лишь одной
я спою свой простуженный блюз.

Лишившийся

Лишившийся музыки поэт состоит из невроза,
в крови его — кофе и лучший технический спирт,
душа его просит ремня и просоленных розог,
рука его пишет, а ум, к сожалению, спит.

Он мрачен и хмур, не поёт, даже стоя под душем —
зато неустанно, замучив бумагу вконец,
рисует воздушных медведей из серого плюша,
взлетающих ввысь над цветочками в форме сердец.

Поэт позабыл, каково это — быть не влюбленным.
Он мелет бессвязную чушь про угасший огонь,
про то, как в неравном бою у слепца-Купидона
заглох пулемет, доедая последний патрон.

И все его строчки — эрзац-заменители страсти,
а та, в свой черёд, выступает заменой любви.
Поэт растолстел, пожирая мучное и сласти
в напрасной попытке улучшить свою “се ля ви”.

Поэт одинок и пленён пресловутым либидо,
а снятся ему уже (что там скрывать) все подряд.
Он гордость готов растоптать, наплевать на обиды,
чихать с колокольни на всё, что о нем говорят,

лишь только за проблеск, единственный проблеск надежды...
Трагично, не правда ли? Как вам мой пафос, друзья?
Вы ждете развязки? Ну что же, она неизбежна.
Я счастлив солгать, что поэт этот — вовсе не я.

Д. Р.

Оборви недосмотренный сон с календарной страницей!
Свежевыжатый день обернулся нежданной обузой.
Неужели и впрямь подфартило однажды родиться,
и плелись в проводах телеграммы с окраин Союза?

Ты, конечно же, точно не помнишь. Но дело не в этом.
В детсаду был привит ритуал — одеваться получше,
раздавать всем подряд принесенные мамой конфеты
и терпеть, если кто-нибудь вздумает дергать за уши.

Год за годом грустнее неслись вечера после школы,
хоть готовили торт со сгущенкой для радости детской.
Наливали немного вина в твой бокал из-под “Колы”,
а гулять не хотелось — да в общем-то, было и не с кем.

Но не жаль и студенческих пьянок, дурных и блевотных.
В самом деле, ну разве кому-то действительно нужно
при словах “за здоровье” травиться сомнительной водкой,
при словах “за любовь” вспоминать преуспевших подружек?

Нынче праздник твой прост. Для начала движением мыши
укрываешь ты дату рождения, чтобы уж точно
ни один из “друзей” не прислал идиотские вирши,
и никто не отправил картинку в свечах и цветочках.

По пути на работу тыставишь любимые треки:
твой наушник — как прежде, одна из прекрасных отдушин,
позволяющих все же не думать о том человеке,
для кого ты — не просто объект для держанья за уши.

Вы не вместе. Ну, так уж случилось. И торт, и конфеты
уплетать в этот раз, как всегда, будешь с мамой и папой.
Для кого-то сегодня не будет мороки с букетом
и затрат на романтику, чтобы немного полапать.

А вино, как обычно, дешевое — то есть, не очень.
Только рюмочку все же пропустишь, для снятия стресса.
Там, глядишь, телефон обеспечит вечернюю почту —
от действительно лучших друзей прилетят эсэмэски.

Да, как будто все вышло неплохо. Бывало и гаже.
И уж вовсе уютно в постели твоей одинокой.
Этот выпитый день пережит и нисколько не важен —
так что незачем дальше писать депрессивные строки.

Федор
СВАРОВСКИЙ

Фёдор СВАРОВСКИЙ родился 6 апреля 1971 г. в Москве в семье журналистов. После школы работал на съемках документальных фильмов “администратором киногорупп”. В 19 лет эмигрировал из Советского Союза в Данию. Полтора года провел в лагере для беженцев, получил политическое убежище, после чего жил в Орхусе, а потом переехал в Копенгаген.

Из-за того, что не видел для себя в Дании ясных жизненных перспектив, в 1996 г. вернулся в Москву. Женился. Стал работать журналистом, сначала на телевидении, а потом в печати. Сейчас работаю в одном московском экономическом издании.

Маша

1.
Маша
с этой девочкой я всю школу вместе учился
и любил
а потом будто бы позабыл
занимался безобразиями
работал, долбил, лечился

и теперь мне уже 35
во вторник выпустили из дурдома
середина июня
и запахи такие вокруг
что как будто дома

перемещаюсь в пустоте по пространству
пыльных, заброшенных комнат
в моей квартире
думаю:
кто-то же меня тут все-таки помнит?

завариваю чай
делаю себе бутерброды с колбасой и сыром
такое впечатление, что внутри сгорели какие-то
датчики
и затруднена коммуникация с окружающим ми-
ром
и
все такое

как будто бы ты в параллельном мире
все одновременно родное
и при этом
какое-
то все не наше

и вдруг меня пронзает сладкая мысль:
Маша!

2.
позвонил
телефон через столько лет оказался прежним
ты, казалось, удивлена
но говорила таким молодым
и нежным
голосом
говорила почему-то медленно
осторожно
подбирая слова

договорились

я потом курил
и смотрел на дым

3.
нет
идти, конечно же, невозможно
как посмотрит на меня Маша
увидит, что я теперь очень
толстый
сразу поймет по лицу, что я в одиннадцать ночи
объедаюсь бутербродами с плавленым сыром
с сервелатом и маслом

нет
все ужасно

подумает: у него проблемы с подкожным и про-
чим жиром

а она-то
будет еще стройна
прекрасна

что я скажу ей?

скажу, наверное: ты меня не помнишь
я любил тебя в детстве
а после в больнице лежал как овощ

4.
помню
как ты приехала из-за границы
в 4-м классе
и практически сразу захотелось
погибнуть на фронте, спиться

а однажды я встретил
тебя в универсаме на кассе
и тогда я сразу решил, что у нас
будут обязательно красивые дети
и весь мир погибнет от бомб
и мы останемся единственными на свете

я написал тебе записку с признанием,
подложил в твою сумку
но не смог дождаться, когда ты прочтешь
не в состоянии выдержать эту муку
я решил пока что скрыть свои чувства

будучи жирным
чтобы выглядеть лучше в твоих глазах
я демонстрировал близость к миру искусства
и стыдился бегать на физкультуре
мне открыто физрук говорил:
ты, Савин - мешок с гуаном, в натуре

5.
нет
даже в мыслях не целовал эти добрые руки-ноги
не трогал я эти волосы
не нюхал твоё пальто на большой перемене
я понимал, что для тебя – я ничто, убогий
выскачка-юморист,
недоразвитый оригинал из 6-го класса
некто
даже не имеющий права
преклонить пред тобой колени
просто
какая-то постоянно растущая
жировая масса

6.
незаметно,
но медленно движутся школьные наши годы
происходит смена приколов, значков, погоды

все как прежде: я толстый
тонкие, жирные волосы
я невзрачный

и готовилась
глядя в зеркало
думала в ванной: вот, эти душа и тело
для тебя

вот

я богатая, кстати
а ты самый лучший на свете
ты - для меня мужчина

хочешь, прямо сейчас повенчаемся?
давай
у меня за углом машина

это, кажется, все

10.
рассказчик в конце говорит за кадром:
этот пример хорошо иллюстрирует, что люди
живут просто так
не задумываясь о главном

люди томятся в себе
в своем поврежденном, ущербном теле
многие не понимают, кого они любят на самом
деле

для таких, возможно, Творец и разворачивает
ход Провиденья
и вместо каких-нибудь похорон они вдруг празд-
нуют день рождения

так
живет
человек как трава
и вдруг
вместо мучений, страсти
с ним случается
не какой-нибудь полный ужас

а наоборот
наступает счастье

НОВЫЕ ИМЕНА

Андрей ВАХЛАЕВ-ВЫСОЦКИЙ

YELLOW SUBMARINE: полвека спустя

Теперь на пристани толпа и гомонит, и рукоплещет -
Из дальних стран пришёл корабль, его весь город ожидал.

М. Щербаков

Толпа огромна. Она сплошной вязкой массой заполняет пирсы и несколько километров набережной, оставляя отчаянно сигналившим автомобилям вместо законной дороги лишь узкую тропку. Встречают корабль, редко заходящий в порты. Корабль медленно скользит вдоль береговой линии, будто выбирая место для швартовки – лимонно-жёлтая, чистенькая и праздничная подводная лодка без единого человека на палубе. Всем заранее ясно, что и в этот раз она не причалит, но у собравшихся это не вызывает огорчения. Скорее облегчение, тщательно скрываемое, впрочем. Встреча корабля – праздник. Ещё один праздник никому не помешает.

Тысячи глаз, устремлённых на вымпелы над палубой, тысячи оглушительно кричащих ртов. Хочется успеть сказать всё, что приятно было бы услышать за наглухо задраенными люками лодки. Сказать так громко, чтобы надеяться быть услышанным. Хочется наглядеться на живую легенду, запомнить в мельчайших деталях. Только ли поэтому? Признаться ли, что взгляд в глаза стоящему рядом вызывает неловкость, скользкую и холодную, как медуза?

Все, оккупировавшие сегодня берег, все без исключения, однажды опоздали к отплытию. Задержались у постели больного ребёнка. Перебрали лишнего на юбилее. Не нашли сил отпустить руки любимой. Пересдавали теормех. Отсюда и облегчение: лодка не причалит. Хотя всем вроде бы понятно, что капитан жёлтой субмарины – единственный в мире капитан, который сочтёт эти причины вескими. Мы смотрим, не отрываясь, мы приветствуем, нас есть кому сплотить и организовать.

- ...все всегда любим, помним и почитаем как родных!

- ВА-А-А-А-У!!!!

- Все ли счастливы сегодня?!!!!!!

- ЙЕ-Е-Е!!!!

Но кто-то молчит, и это слышно даже сквозь рёв толпы – кто они? Нет, никто не решится оглянуться, не посмотрит, кто они. Их взгляд вызывает уже не неловкость – настоящий страх. Их взгляд, уже лишённый былой ярости, всё ещё острый, как нож и тяжёлый, как пуля ДШК. Сами они без страха смотрят в глаза друг другу, смотрят прямо сквозь толпу. Их путь сюда от порта, где они отстали, лежал по настоящей земле, через географические пункты, которых нет на картах Средиземья, Нарнии или страны Оз. Йа-Дранг и Хюэ. Герат, Чарикар и Саланг. Муровдаг и высота семьсот семьдесят шесть. Эн-Насирия, Басра, Багдад. Они смотрят друг на друга, и лишь иногда – на море, где скользит жёлтый призрак из их такого призрачного детства.

Оставаясь незамеченными, их пристально изучают другие глаза, хладнокровные, молодые, но уже несколько утратившие остроту зрения от постоянного общения с мониторами. Глаза тех, кто увечил связь штабов и глушил

спутники над Белградом. Тех, кто пробирался по паутинкам проводов в осаждённую Басру и нашёптывал её защитникам свой скромный армейский и маргинальный опыт. Как наладить выпуск дешёвых незаметных мин, как сбить с толку системы лазерного наведения, как обмануть приборы ночного видения и оставить в дураках системы глобального позиционирования, имея в распоряжении давно устаревшие технологии, плохо обученных воинов и малограмотный персонал. Они разочарованы, их дело потерпело поражение, но – дело, не они сами. Коварные неуязвимые одиночки, они затаились и выжидают, как подводные лодки на грунте. Друг другом они не интересуются, друг для друга они не более чем ник в сети.

У бортов лодки вскипает пена, и она разом проваливается под изумрудную морскую гладь, так ни разу и не открыв люков, не опустив разноцветные сигнальные флаги. И человеческая волна плавно откатывается от берега, разбиваясь реками и ручейками вдоль улиц. Ощущение праздника вскоре потускнеет, но всё же останется с нами навсегда. Память о нём мы передадим по цепочке времён, но ведь она коротка, и очень скоро в ней найдётся звено, которое сочтёт сегодняшнее событие несущественным вздором. Те, кто кричал сегодня с трибун – о, для них, замеченных и запомненных ещё тысячами, это день великий и значительный! Но – не праздник, для них нет ни цепочки времён, ни праздников, есть лишь слабо представимая абстрактная вершина, предваряемая скользкой карьерной лестницей.

А кшатриям, оставшимся на берегу и созерцающим осиротевшее море, сегодняшний день подарит ещё одну долгую тревогу. Им одним известно, как трудно должно быть в реальных земных океанах подводной лодке без торпедных аппаратов и ракетных шахт. Когда-то она всплывёт снова?

И всплывёт ли...

Валерий КАРЧ

Замолчавшему поэту

Калькулятор в башке – не трамплин для броска на Парнас.
Добрый гений в делах, он плохая стихам повитуха.
Ну, ни пуха тебе! Будь, дружище удачливей нас,
Да не путай духовность с банальным присутствием духа.

- Оптимизм, через раз, кровнородственный брат слепоте...
Эта вздорная мысль в голове беспричинно зависла
И долбит по мозгам, что резец по надгробной плите:
- Он угас молодым! (Ниже – имя и скорбные числа).

Это звон по тебе, отошедшему в мир суеты,
Меркантильных страстей, всевозможных гешефтов и сделок,
Где на всякий кусок раскрываются хищные рты,
Где легко не дожить, до почтенных седин и сиделок.

Ну да, что тут рядить, всё случится, как должно! Пора
Принимать этот мир по его нагоде и изнанке.
А ему наплевать, что там явится из-под пера –
Философский трактат или круглая сумма на бланке.

Потому не томись, не кручинься над чистым листком,
Не заламывая рук по своей безалаберной музе.
Крест на пузе, дружок, что над Летой порхать мотыльком
Не дано никому. В этом смысле и гений и лузер,

Безусловно, равны. А досада и чувство вины
За зарытый талант, как бы это сказать половчее...
Ты не первый такой, кто не видел лица со спины.
И потом, рассуди, при снижении числа книголюбцев,

Замолчавший поэт – уж никак не вселенский облом,
Но всего лишь укор обмельчавшим общественным вкусам
Если ж дело пойдёт, да ещё разживёшься баблом,
Так совсем хорошо! И не надо смотреть Иисусом.

Мы-то знаем с тобой, рифмоплёты – циничный народ.
Любят славу, комфорт, не чураются пут чистогана.
Словом, всё, как у всех, этот камень – в любой огород,
Это надо понять, жизнь без этого – Fata Morgana.

Если хочешь, поплачь. Серебром седины убелён,
Я не стану корить и, тем паче, высмеивать едко.
Не поверишь, с пелён, одеваю лишь хлопок и лён!
Телесам хорошо. И легко просыхает жилетка.

Евгений
ХРИСТОФОРОВ

Как мяч,
Лёд поплывёт, чтобы потом,
через полный оборот

Земли вокруг солнца,
Которое не умрёт, вновь постелить нам путь,
Очень скользкий, но с него не свернуть...
***

Расставание

Мы идём по замёрзшей воде
Замерший воздух везде
Поздно
И слёзы –
Напоминание о твоей беде.
Где?
Там,
Где нет места нам.
И местам
Наших встреч не сберечь
Ничего.
Растворяется нимб
А без него я – мим,
Скетч,
Того
Высокого, твёрдо стоящего на ногах,
На разных берегах.
Не плачь!
Замёрзшая вода растает,
Понесётся вскачь,

Незнакомка

В мини-юбке незнакомка
Всё вокруг так ярко, звонко
Шумно, призрачно и сладко...
Ты – в обёртке шоколадка!
Упаковка, этикетка, лэйбл.
А внутри – конфетка.
Ты прекрасна...на прилавке!
Джентльмены – ваши ставки!

Лянка ПЕТРУСЕВИЧ

Ромке

(когда уходят в Вечность)

Когда уходят в вечность –
Не спрашивают имен...

Кто был в кого когда влюблен,
Имел,

Детей,

И кучу жен,

И – Лиепая...

Возможно я совсем тупая,

Что откликаюсь на неслышный зов

Покойника...

Покой-ник... А?

Я успокоюсь,

Когда пойму, что старое цыганское проклятие -

сработало...

ДА – Я!

Известие – распятием...

Что – зона, блин? И армия?

И чем ответишь, как

давить на площадях девчонок танками,

беременных?...

Восставшие рассеянно

рассеялись,

Вне времени...

И вне пространства...

Скажу тебе я снова «Здравствуй»,

Но не скоро...

Пропащий человек под маской вора,

Любимый, неприкаянный –

до скорого...

Когда уходят в вечность?

Не спрашивай...

27.09.2010

Наше вечное...

Наша вечная жалость,

Наше вечное «плохо»...

В рукавах – не осталось

Ни намека на Бога.

Не осталось в карманах

Ни намека на Духа –

Наше вечное «мало»,

А где мало – там глухо...

Наше вечное «после»,

Наше вечное «завтра» -

Мы теряем друг друга

Абсолютно внезапно,

Не успев наглядеться...

В налетевших воронах -

Наше вечное детство

На пустынных перронах,

В рукаве электрички,

На усталых вокзалах –

Две последние спички,

Наше вечное «мало»...

Редактировать текст,

Иль стоять у кровати –

Наше вечное «после»

Наше вечное «хватит»...

А потом, просыпаясь

В полутемной квартире,

Невзначай – понимаешь:

Ты – один в этот Мире...

29-30.10.2010

Паломничество

- Что вы ищете?
- Я еще не знаю, я просто иду.
- А куда вы идете?
- Я просто иду. У меня есть карта. Я сверяю с ней, где нахожусь.
- Это похоже на паломничество.
- Наверное. Я не задумалась об этом.
- И все же куда-то вы идете!
- Возможно в Рим.
- Почему в Рим?
- Все дороги ведут в Рим.
- Станный вы человек. Я хотел бы знать, чем закончится ваше путешествие.
- Я вам напишу.
- Как вы мне напишите, если не знаете кто я?
- А кто вы?
- Я бухгалтер.
- Хорошо, я напишу бухгалтеру.
- Вы наверно шутите.
- Нет, я не шучу.
- Так как же вы меня найдете, если не знаете моего имени и адреса?
- Тогда просто скажите, куда и кому писать!
- А вы мне точно напишите?!
- Вы хотели бы стопроцентную гарантию взамен на адрес и имя?
- Да глупый разговор, я ведь сам попросил вас мне написать.
- Именно.
- Тогда до встречи.
- До встречи.

Мужчина остановился на обочине дороги и видимо решил подождать попутную машину. Я еще раз оглянулась. Он уже стоял ко мне спиной, и, наверное, смотрел на линию горизонта, туда, где дорога сходилась с небом, туда, откуда я пришла.

Солнце давно уже прошло зенитную точку, и по моим представлениям было уже где-то около пяти вечера. По карте до ближайшего населенного пункта оставалось еще километров двадцать. «До темноты успею» - решила я, и ускорила шаг. Уже смеркалось, когда я увидела указатель с названием поселка. Необходимо было свернуть с основной дороги и повернуть направо. Через метров восемьсот после поворота стали виднеться небольшие двухэтажные домики. Наличие достаточно плотных рядов двухэтажных строений указывало на то, что населенный пункт немаленький и в нем, по всей вероятности есть гостиница. Я подошла поближе и увидела на одном из домов вывеску «Продукты». Очень удобное место для того, чтобы получить необходимую справку или узнать последние сплетни. До сплетен мне было мало дела, а вот узнать где находится гостиница и купить что-нибудь съедобное на ужин очень хотелось. Только сейчас я почувствовала, что голодна и очень устала. Я зашла в помещение магазина, и тут же вспомнила фразу из мультфильма: «планета «Железяка» - воды нет, растительности нет, населена роботами». Магазин

казался совершенно пустым: металлические прилавки-холодильники могли предложить только консервы, а на витринах за прилавками были аккуратно в один ряд разложены сухие завтраки и всякая ерунда с неопределенным сроком хранения. Мне захотелось крикнуть «Ау». Вероятно, именно это я сделала в действительности, так как тут же из-за холодильника выглянула средних лет женщина и сказала, что магазин закрыт.

- Скажите, а гостиница здесь есть?

- Да. Только она уже как лет пять не работает. Только одни стены и остались.

Я стояла в нерешительности, что делать дальше? Не хотелось беспокоить и без того не особо приветливую продавщицу.

- Раз уж нет гостиницы, возможно, вы подскажете, где можно остановиться на ночлег?

- Да есть тут у нас старушка, баба Мария, живет одна. Может быть, вас и примет на постой. Тут недалеко. У нас тут все близко. Свернете прямо за магазином, выйдете на улочку, пройдете в самый конец - там дом, белый такой, мазанка за деревянным частоколом. Номера не помню. Да он там один такой дом, не ошибетесь.

- Спасибо.

Я поспешно вышла на улицу. Запах в магазине был настолько затхлым, что я сама не замечая, едва дышала. Я сделала глубокий вдох, выдох, повторила этот прием еще пару раз и дыхание, наконец, восстановилось.

Дом Марии, так я его назвала, действительно найти было не трудно. Я подошла к калитке. Пахло ночной фиалкой и мятой, как в детстве, у бабушки. Я стояла рядом с калиткой и прислушивалась к ночным звукам и запахам. Не знаю, сколько прошло времени, я как будто оказалась на нейтральной полосе, где не действуют законы временных границ. Мне не хотелось двигаться. Во всем, что меня окружало, присутствовала гармония и безвременье момента. Я очнулась. Передо мной стояла пожилая женщина. Видимо она о чем-то меня спросила и ждала ответа.

- Я здесь проездом, вернее я шла пешком. По дороге был ваш поселок. Мне сказала женщина в магазине, что я могла бы остановиться у вас на ночлег. Если, позволите, конечно.

Сбивчиво объяснила я. Она, молча, открыла калитку и движением руки пригласила пройти во двор.

- Меня зовут Анна. А вас зовут Мария, только отчества я не знаю.

- Мария Федоровна.

И опять движением руки, указала на крыльцо. Я подошла к крыльцу, но войти в дом не решалась.

- Что ж вы там стоите, входите в дом.

Я стояла у порога и все не решалась через него переступить, как будто в этом моменте перехода должно было произойти какое-то таинство, что-то такое, что изменит всю мою жизнь. Ноги не слушались, я стояла как вкопанная и в тоже время завороженная осознанием священности происходящего. Как будто я находилась на границе пересечения миров. Я должна была вступить в мир, наполненный какой-то непреодолимой силой, силой которой мне необходимо будет подчиниться. Страх и благоговение переполняли все мое существо, казалось, что в этот момент мое тело, моя душа, мое сознание не существовали и в тоже время были единым целым. Этот момент был настолько завораживающим и страшным, настолько безвременным и конечным, но в тоже время он ощущался таким наполненным, сильным и стремительным как сам поток жизни. Я вдохнула полной грудью, и мое тело несколько расслабилось, я

вернулась к реальности, к реальности в которой я уже не была прежней. Я не была прежней, но и не стала другой: мое содержание не изменилось, оно приобрело новое качество. Как будто границы между телом, душой и сознанием стали проницаемыми, и я могла ощущать всю себя одновременно в настоящий момент бытия.

Я осторожно открыла дверь, все еще ощущая важность происходящего, и переступила порог. В доме было темно, воздух был наполнен влагой и прохладой. У меня еще раз возникла потребность вдохнуть полной грудью, как будто до этого я не дышала вовсе. Я постояла немного в передней, дыхание восстановилось, вдруг до меня дошло, что, несмотря на то, что в доме темно я очень четко вижу очертания предметов и могу ориентироваться в пространстве. Я сняла туфли и прошла вглубь дома.

В центре комнаты стоял круглый стол, накрытый плетеной скатертью, я подошла к нему поближе и стала осматриваться. Темнота позволяла рассматривать все очень постепенно - не спеша исследовать пространство, и еще различать не только видимые предметы, но и улавливать запахи и звуки, наполняющие дом. Картина была абсолютно живой и постоянно меняющейся, казалось, что пространство, в котором я нахожусь, выходит за пределы трехмерного измерения. Я присела за стол и продолжала созерцание. Тихонько скрипнула дверь. Я услышала, как вошла и двигается по дому Мария. Мне не было ее видно, но кажется, я ощущала все ее движения, каким-то другим способом. Запахло молоком и хлебом. В комнату вошла Мария, я встала и пошла ей на встречу. Она слегка улыбнулась и подала мне сосуд с молоком.

- Сейчас будем трапезничать, накрывай на стол. А я зажгу лампу - сказала Мария.

Я взяла в буфете необходимую посуду, разлила в чашки молоко, разломала хлеб и снова присела за стол. Мария зажгла керосиновую лампу и села рядом. Не яркий свет и запах керосинной свечи создавал простой уют.

Кажется, прошла целая вечность. Мы неторопливо ели свежий хлеб и запивали теплым молоком.

- Вот и поужинали, - сказала Мария. - Я постелила вон в той комнате, - и указала рукой. - Лучше поспать с дороги, а утром будет время - поговорим.

Постель была непривычно мягкой. Я устала с дороги, и мне казалось, что как только моя голова прикоснется к подушке, я сразу же усну, тем не менее, я никак не могла принять удобное положение и все ворочалась. Веки были тяжелыми, хотелось спать, а тело ныло и заставляло невольно к себе прислушиваться. Я посмотрела на часы, вот уже два часа как я стараюсь заснуть, а сон все не приходит. Как я здесь оказалась? Зачем я здесь? Да, я ехала на экскурсию: Западная Украина, Польша, Венгрия, Австрия, Испания, Италия. Я об этом мечтала. Долгое время готовилась, собирала деньги, а потом просто вышла из автобуса. Я могу перечислить только события, но никакая логика не может объяснить моих действий. Это похоже на вызов? Нет что-то другое. Я не могу это выразить словами или определенными мыслями, облеченными в понятные для меня определения. Только неясные чувства или скорее предчувствия, предчувствия, которые не могут пока еще обрести ясные очертания, они стоят на пороге и ждут своего времени. Это - пожалуй, самое точное определение того, что со мной происходит. Мне стало легче. Но сон не приходил. Я вышла на улицу, присела на лавочку рядом с крыльцом, и стала просто вдыхать воздух. Я пробовала его на вкус: прохладный, с каким-то удивительным послевкусием. Я старалась его распробовать и описать. Ничего не получалось. Вкус ощущался, а описать его было не возможно. Тогда я просто сосредоточилась на ощущениях тела и процессе дыхания и уже не о чем не думала,

все мысли куда-то ушли, я просто расслабилась. Вдруг я почувствовала, что замерзаю, стало светать. Это было похоже на то, как я смотрела фильм, потом я отключилась, пропустила достаточно много кадров, а затем опять включилась. Но в субъективном ощущении времени, это длилось не более доли секунды. Я зашла опять в дом, дошла до кровати, легла и уснула.

Часов в девять меня разбудила Мария:

- «Вставай красавица, солнце уже движается к зениту, пора и тебе глаза открыть! Знаешь пословицу «Кто рано встает, тому Бог дает», а у тебя уже не рано, но еще и не поздно, самое время – вставай!».

Я была счастлива, солнце ярко освещало комнату, ветер слегка шевелил тонкую тюль на открытом окне, внутрь проникали запахи и шумы со двора. Я вспомнила детство – ощущения радости нового дня, еще не знаешь, что произойдет, но с нетерпением ждешь всего, как некое предчувствие открытий и удивительных приключений. Все открыто, ты просто выходишь в мир и принимаешь его дары. Просто счастлив от того, что проснулся, от того, что наступил новый день, от того что солнце светит и птицы поют. Неужели это Я?

